

О. Ф. Ерышев, А. М. Спринц

Личность и болезнь в творчестве гениев

Санкт-Петербург
СпецЛит

Олег Ерышев

**Личность и болезнь
в творчестве гениев**

«СпецЛит»

2015

Ерышев О. Ф.

Личность и болезнь в творчестве гениев / О. Ф. Ерышев —
«СпецЛит», 2015

ISBN 978-5-299-00666-7

Книга знакомит читателя с биографиями некоторых великих людей - писателей, поэтов, художников и композиторов, живших в разные эпохи и страдавших психическими расстройствами или выраженными аномалиями характера. Авторы попытались проследить влияние психических расстройств гениальных людей на их творчество. Оказывается, что болезнь, как правило, не разрушает творческих возможностей, а иногда и обогащает их, а также своеобразно расцвечивает грани творчества. В то же время гении колоссальными усилиями пытаются преодолеть негативные болезненные проявления, мешающие творческому процессу. Знакомство с жизнью этих необыкновенных творцов помогает лучше понять то, что они оставили нам в наследство. На обложке - картина М.Чюрлениса «Летит черная беда». 2-е издание, дополненное.

ISBN 978-5-299-00666-7

© Ерышев О. Ф., 2015

© СпецЛит, 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ	7
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	7
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ	17
ТОРКВАТО ТАССО	23
ЖАН-ЖАК РУССО	29
ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ	33
АВГУСТ СТРИНДБЕРГ	37
ДАНИИЛ ХАРМС	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ерышев О. Ф., Спринц А. М. Личность и болезнь в творчестве гениев

ВВЕДЕНИЕ

Даже согласившись, что гениальные люди бывают странны или, как говорится, нет великого ума без капельки безумия, мы не отречемся от них.

Дени Дидро

Люди, не обладающие знаниями в области психиатрии, обычно считают, что душевная болезнь может только погубить в человеке творческое начало и что наличие такой болезни отрицает какое бы то ни было творчество. При этом существует определенная категория людей, завистливых посредственностей, которые со злорадством встречают сообщение, что некоторые гениальные личности были или стали душевнобольными, и распространяют это на всю категорию гениев. Но есть и те, кто относится к душевнобольным чуть ли не с почтением, считают всех их гениальными и интересными и испытывают перед ними некоторый страх.

На наш взгляд, все вышеуказанные суждения неправомерны.

При замысле этой книги перед нами возникла определенная этическая проблема: стоит ли сведения о душевном расстройстве некоторых творцов делать достоянием широкой публики? То есть переводить научные сведения на уровень научно-популярных? Не принизит ли это значимость творца в глазах публики, не даст ли посредственности дополнительный повод для злорадства?

Вспомним, однако, гениальную фразу Михаила Булгакова, вложенную в уста Иешуа (роман «Мастер и Маргарита»): «Правду говорить легко и приятно». Именно сокрытие правды дает дорогу необоснованным слухам и суждениям, тормозит мысль и открывает щель для злорадства. Это во-первых.

Во-вторых, все зависит от того, как подать материал для широкой публики. Можно подать как сплетню, а можно так, чтобы читатель почувствовал сострадание к людям, пораженным, может быть, самым страшным недугом, сопереживал их страданиям, почувствовал искренний интерес к психиатрии, а также впервые осознал, что взаимоотношения душевной болезни и творчества могут быть чрезвычайно интересными и далеко не однозначными. *Соотношение душевного расстройства и творчества – сквозная тема всего нашего труда.*

Мы пишем эту книгу для людей, неискушенных в психиатрии, поэтому не перегружаем ее специальной терминологией, а там, где без нее не обойтись, общедоступно расшифровываем термины.

Отметим, что в психиатрической литературе анализу жизни и творчества известных исторических деятелей, писателей и художников посвящено немало трудов (о русских царях Иване Грозном, Петре I и Павле I писал П. И. Ковалевский; о Гоголе и Пушкине – В. Ф. Чиж; о Врубеле – Н. Г. Шумский; о Стриндберге и Ван Гогe – К. Ясперс; о Распутине – А. П. и Д. А. Коцюбинские; о Сталине, Гитлере – А. Е. Личко и др.). Однако в этих работах применяется углубленный психиатрический анализ, порой весьма сложный.

О соотношении «гениальности и помешательства» подробно писал знаменитый итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835 – 1909). Особенности строения тела и темпераменту «гениальных безумцев» посвятил немало страниц другой великий психиатр, профес-

сор из Тюбингена Эрнст Кречмер (1888 – 1964). Однако Ч. Ломброзо рассматривал проблему в общем, а Э. Кречмер не соотносил свои наблюдения с творчеством гениев.

Опираясь на наблюдения разных авторов, в том числе времен античности, Ч. Ломброзо пишет о многих людях, обладающих замечательным талантом, но обнаруживающих признаки помешательства. Однако он же (и не раз!) подчеркивает отсутствие идентичности понятий «гениальность» и «помешательство»: «В числе гениальных людей были и есть помешанные, так же как между последними бывали субъекты, у кого болезнь вызвала проблески гения, но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило впасть в громадное заблуждение. Было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков помешательства».

Наш современник, известный литератор и переводчик Григорий Чхартишвили также не находит однозначной связи «безумия и гениальности», однако пишет, что они находятся «в одном поле».

Интересно замечание Э. Кречмера: «Высокая одаренность сочетается с резко выраженными личностными особенностями... без которых гений становится ординарным способным человеком».

Этими особенностями могут быть и чрезвычайно глубокая эмоциональность, и склонность к бурным эмоциональным взрывам, и необыкновенно высокая психическая активность, и напряженная погруженность в свой внутренний мир. Однако все это не душевная болезнь, а всего лишь свойства характера.

Таким образом, ни Ч. Ломброзо, ни Э. Кречмер влияние болезни на творчество отдельных гениев почти не рассматривали. Однако это влияние всегда весьма значимо, так как болезнь неотделима от личности и от психической деятельности гения. С одной стороны, она относительно редко приводит к разрушению творческих возможностей, иногда даже обогащает. С другой, в некоторых случаях напряженное творчество-«самосожжение» может привести гения к тяжелому психическому расстройству, парализующему продуктивную деятельность.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Эта несносная болезнь... Она меня сушит

Н. В. Гоголь

Художник Ф. Мюллер, Русская портретная галерея. Ок. 1840

Имя Николая Васильевича Гоголя по праву стоит вторым после А. С. Пушкина в ряду гениев русской литературы, и нет необходимости много говорить о его значении для нашей культуры. Недаром в свое время, прочитав первое произведение Ф. М. Достоевского «Бедные люди», Н. А. Некрасов и В. Г. Белинский восклицали: «Новый Гоголь явился!». Это была действительно наивысшая похвала. В дальнейшем никто не удостоивался такой оценки. Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин были и до сих пор остаются величайшими русскими сатириками. Но вместе с тем

«Шинель» Гоголя – одна из первых пронзительных трагедий о «маленьком человеке». Восхищаться Гоголем можно без конца, и никакие самые возвышенные и хвалебные слова

при этом не будут преувеличением. В. Г. Белинский писал: «С Гоголя начался русский роман и русская повесть, как с Пушкина началась истинно русская поэзия... Гоголь внес в нашу литературу новые элементы, породил множество подражателей, навел общество на истинное содержание романа, каким он должен быть; с Гоголя начинается новый период русской литературы...». Словом, в величии и гениальности Гоголя никто усомниться не может. Знакомаясь в детстве с произведениями Гоголя, всю жизнь перечитывая их, мы не перестаем ими восхищаться. Но знакомство с его биографией вызывает массу вопросов, на которые трудно найти вразумительные ответы без обращения к компетентным специалистам, в частности к психиатрам.

Известно, что еще при жизни Гоголя, во второй половине 1840-х годов, многие говорили, что у него «что-то тронулось в голове», а тот же В. Г. Белинский писал ему: «Вы больны, и вам надо спешить лечиться...». Он имел в виду одно из последних произведений Гоголя – «Выбранные места из переписки с друзьями». Действительно, и его поступки, и содержание некоторых произведений, особенно в конце не столь долгой жизни (он прожил 43 года), мягко говоря, вызывают недоумение. Многие изучали и анализировали жизнь великого писателя, в том числе и психиатры, и большинство из них пришли к выводу, что Гоголь был психически болен и что все нелепые и неприглядные моменты в его жизни и творчестве – результат именно этого. Благодаря этим исследованиям мы довольно много знаем о личной жизни Гоголя, о его привычках, отношениях с близкими людьми, можем анализировать многие его поступки и стараться понять их, наконец, оценить влияние его психического состояния в различные периоды жизни на характер творчества.

Чтобы разобраться в перипетиях жизни человека, который предположительно страдал психическим заболеванием, следует ознакомиться с его наследственностью. Гоголь родился 20 марта (1 апреля по новому стилю) 1809 года. Его отец, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, был, судя по всему, человек добродушный, ленивый, средних способностей, «от нечего делать» сочинявший банальные стихи и пьесы, не вызывавшие интереса у окружающих. Он умер от чахотки в 43 года, в таком же возрасте скончался впоследствии его единственный сын. Хроническое заболевание отца вполне могло повлиять на здоровье Гоголя, обусловив хрупкость его нервной системы. Немалый интерес в этом отношении вызывают и сведения о матери писателя, Марии Ивановне, родившей сына Николая в 15-летнем возрасте, а всего рожавшей 12 раз. Ее характеризуют как женщину добрую, отзывчивую, способную сочувствовать чужому горю, непритязательную и непрактичную. Ей были свойственны беспричинные и довольно выраженные колебания настроения: периоды оживления и подвижности сменялись состояниями «мечтательности», медлительности, вялости, обращавшими на себя внимание окружающих. Некоторые отмечали ее недоверчивость и подозрительность. Все это свидетельствует о ярко выраженных особенностях характера матери Гоголя, в частности таких, которые могут передаваться по наследству. И, как мы потом увидим, подозрительность и угнетенное настроение имели место в болезненных переживаниях писателя.

Гоголь рос болезненным («золотушным») ребенком. В гимназии учился плохо, не любил физических упражнений. Со сверстниками и преподавателями у него были неровные отношения. Его дразнили, а он зло насмехался над товарищами и учителями. Но вместе с тем был живым отроком, склонным к шутке и розыгрышу. В нем рано проснулось желание сочинять. Даже на уроках, делая вид, что читает книгу, Гоголь умудрялся записывать свои сочинения в тетрадь, которая была спрятана в ящике стола. Когда его лишили возможности сочинять на уроках, он «взбесился». Один из его товарищей так описывает этот эпизод из юности будущего писателя: «Сбежались мы и видим, что лицо у Гоголя страшно искажено, глаза сверкают каким-то диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель – взбесился! Прибежал и флегматический

директор Орлай, осторожно подходит к Гоголю и дотрагивается до плеча: Гоголь схватывает стул, взмахнул им – Орлай уходит... Осталось одно средство: позвали четырех служащих при лицее, приказали им вязать Гоголя и отвести в особое отделение больницы. Вот инвалиды улучили время, подошли к Гоголю, схватили его, уложили на скамейку и понесли, раба божьего, в больницу, в которой пробыл он два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного...». Странная история, не правда ли? Не каждый пожелает, даже борясь за свое право писать произведения на уроках, симулировать при этом психическую болезнь и два месяца сидеть в психиатрическом отделении. Иными словами, вполне вероятно, что Гоголь перенес короткое психическое расстройство, которое было принято окружающими за капризничанье, стремление во что бы то ни стало добиться своего. Описываемая картина очень напоминает возбуждение при остром психическом расстройстве. Даже если считать ее реакцией на обиду или притеснение, она выглядит крайне резкой, не соответствующей вызвавшему ее раздражителю. Дальнейшие события подтверждают правомерность такого предположения.

Пожалуй, мы не согласимся с мнением В. Ф. Чижа (известного отечественного психиатра конца XIX – начала XX века), что у Гоголя с юности были «бредовые идеи» величия, в связи с чем он казался весьма надменным и, окончив гимназию всего лишь «по второму разряду», не зная языков и т. д., очень высоко ценил свои потенциальные возможности, впрочем, ничем их пока не подтверждая.

Скорее всего, имели место особенности характера, усиливающиеся в течение жизни: эгоцентризм, юношеский максимализм, капризность, особенно ярко выражавшаяся в его неприятии отдельных людей, а в дальнейшем и в манере публичного чтения произведений. Вот связанные с этими чертами примеры его поведения: Гоголь мог без объяснения уйти из гостей при появлении неприятного ему человека или притвориться спящим в кресле и «проснуться» сразу после его ухода; иногда он сбегал из гостей, только там появившись, чем приводил в крайнее смущение хозяев; в поездках он представлялся другой фамилией (психологически это выглядит оправданно, как попытка избежать ненужного общения, но частота подобных происшествий, отсутствие каких-либо объяснений – уже нелепость). Иногда его приходилось чуть ли не на коленях упрашивать почитать что-нибудь «свое», хотя об этом был договор, в другой раз он мог прийти и начать читать без предварительной договоренности. Что касается высокомерия Гоголя и его «сверхкритического» отношения к окружающим, то не исключено, что именно эта черта характера и способствовала в дальнейшем формированию его сатирического таланта. В характере Гоголя, безусловно, были параноические черты (параноики – это люди настойчивые, уверенные в своих действиях, упрямые, обычно переоценивающие собственные возможности, нередко активно продвигающие в жизнь какую-нибудь одну, но «свою» идею).

В какой-то период жизни Николай Васильевич переоценивал разносторонность своих дарований. Пишут, что он обладал незаурядными артистическими способностями, великолепно читал свои и чужие сочинения, но с актерской карьерой ему не повезло. Только занявшись литературным творчеством, почти сразу он продемонстрировал талант и превосходство над многими окружавшими его людьми.

Еще одна из черт характера писателя – скрытность. Он не любил делиться своими интимными переживаниями. В течение всей жизни у него практически не было настоящих друзей, а были лишь люди, его обожавшие, «слушающие», восхищавшиеся, ученики (последних, правда, были единицы). Наиболее близкие отношения у него сложились с соучеником по гимназии А. С. Данилевским, да и те постепенно сошли на нет. Гоголь все совершаемое для него добро принимал как должное и не любил платить тем же (так, вместо необходимой материальной помощи он мог дать «ценный совет»). До конца жизни, несмотря на болезнь, писателю был свойствен необыкновенный практицизм – он общался только с нужными ему людьми, спокойно разрывая отношения, если человек ему становился не нужен,

он был близок с теми, кто поддерживал его материально или мог устроить его дела, словом, максимально использовал и людей, и ситуацию в своих интересах. Каждому из нас приходилось сталкиваться с людьми, которые выглядят чужаками, не от мира сего, но очень неплохо ориентируются в вопросах собственного благополучия и в случае чего быстро перетягивают одеяло на себя. При этом Гоголь не был отъявленным прагматиком и скопидомом. Он жертвовал деньги церкви «на нищих» (правда, с условием, чтобы молились за его здоровье), «на бедных студентов университета», при этом сам испытывая затруднение в средствах. Он отказался от своей доли наследства в пользу матери и сестер. Такая пестрота личностных черт и составляла характер Гоголя, способствующий созданию, с одной стороны, гениальных литературных трудов, а с другой – предрасполагающий к душевному расстройству. Все перечисленные черты характера усиливались с течением времени.

Один эпизод из жизни писателя, произошедший с ним в молодости, требует специальной (психиатрической) оценки. Окончив гимназию и приехав в Петербург в надежде на престижную работу, дающую средства и положение в обществе, Гоголь, несмотря на мизерность имевшихся у него денег, вдруг уехал за границу. Некоторые исследователи жизни и творчества писателя пытались объяснить эту поездку переживаниями, связанными с его первой литературной неудачей. Однако сам он писал: «Как бы то ни было, но *это противувольное мне самому влечение* (курсив наш. — Прим. авт.) было так сильно, что не прошло и пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться этому чувству, мне самому непонятному».

Речь шла в данном случае об импульсивном влечении, которое, являясь болезненным, чуждым нормальной психической деятельности индивидуума, требует, однако, его выполнения, как бы нелепо оно ни было. Гоголь последовал этому влечению, сел на корабль и прибыл в Германию. Он оказался в одном из красивейших ее городов – Любеке. Однако ко всему вокруг он остался равнодушен. Молодой человек (тогда ему был 21 год), мечтавший о заграничном путешествии, в город «въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто». Вернулся он в Петербург через полтора месяца совершенно спокойным. Это путешествие могло быть продиктовано болезненными состояниями, связанными с аффективными переживаниями (тревогой), галлюцинациями или бредовыми идеями. В дальнейшем переезды, путешествия, проживание «в чужих краях» станут постоянными событиями в жизни Гоголя. Его отъезды из России и переезды из одной страны в другую будут напоминать бегство. Да это и было бегством от болезни. Он никогда не обзаведется семьей, не будет иметь собственного дома. Такие обстоятельства обычно сопровождают людей с характерологическими отклонениями или психической болезнью.

С молодого возраста у писателя чередовались периоды творческого подъема и состояния слабости и подавленности. При этом окружающие то чаще, то реже замечали непонятные изменения и противоречия в поведении писателя, в его общении с людьми. Подобные изменения в характере и поведении Гоголя обусловили также противоречивое отношение к нему современников. Были люди, которые все ему прощали и продолжали боготворить писателя до конца его жизни, но были и ненавидевшие его, пытавшиеся «разоблачить», всячески подчеркивающие негативные стороны его характера.

Все произведения Гоголя, принесшие ему всемирную славу, написаны примерно до 1843 года, когда ему исполнилось 34. Ворвавшись в литературу с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», он вскоре очаровал читателей «Миргородом», затем «Петербургскими повестями» («Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Шинель», «Записки сумасшедшего»), а потом были написаны «Тарас Бульба», «Ревизор», перевернувший представления о театральных постановках, наконец, «Мертвые души». Этого неполного списка достаточно, чтобы оценить титанический труд Гоголя. Он тщательно отшлифовывал свои произведения, перерабатывал, исправлял их; повести выходили повторно в новых редакциях. Они

буквально искрятся юмором, или в них едко высмеиваются пороки и мерзости тогдашней жизни. Но сквозь обилие юмористических и сатирических образов и ситуаций проглядывает поразительное понимание переживаний «маленького (обычного. — *Прим. авт.*) человека» и глубокое сочувствие ему. Своеобразие мышления и творческого метода Гоголя позволило ему создать произведения, которыми восторгались и на которых учились не только русские писатели, хотя при жизни автора они не были оценены. Такова, например, повесть «Нос» – предвестница гениальных творений Ф. Кафки (вспомните рассказ последнего «Превращение»), появившихся сто лет спустя. Все это и многое другое было создано Гоголем примерно за 12 лет, и тем более удивительно, что за это время он перенес несколько периодов выраженного болезненного состояния (о них мы упоминали выше), когда у него было пониженное настроение, почти исчезала способность сочинять, появлялись неприятные ощущения в животе, запоры. Эти периоды с легкой руки тогдашних докторов называли «геморроидальной болезнью». Такой терминологии придерживался и Гоголь, обращая внимание в начале болезни в первую очередь на нарушения работы желудочно-кишечного тракта (симптом нередкий при депрессивных состояниях).

Первые отчетливые состояния психического нездоровья были отмечены у него в 1833 и 1837 годах. Длились они по несколько месяцев и характеризовались творческим застоем, унылым настроением, жалобами на физическую слабость и «ненормальную» работу желудка. Гоголь так описывал свое состояние: «...нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздражение нервическое. Все мне бросилось разом в грудь... Я испугался; я сам не понимал своего положения; бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидячей жизни. Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле не испытанное, усилилось... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни в постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно».

После этого наступал период подъема, и Гоголь продолжал творить, восхищая близких ему людей юмором и сарказмом. В 1840 году он писал: «Я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное, я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия, в котором я находился и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко... Я, позабывши все, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу...».

Однако и в «светлые промежутки» он не чувствовал себя полностью здоровым. В это время он пишет: «Увы! Здоровье мое плохо! ...Если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья!.. Но работа моя вяла, нет той живости... *Эта несносная болезнь. Она меня сушит.* Она говорит мне о себе каждую минуту и мешает мне заниматься». Или так: «Тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестанно стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать».

Все это подтверждает наличие у писателя аффективных колебаний (подъемов и спадов), которые мы наблюдаем у многих талантливых людей. Примерно с 26 – 27 лет болезнь принимает непрерывный характер и приводит к необратимым изменениям личности, в конечном итоге отражаясь и на его творчестве. Описанные выше противоположные аффективные состояния (подавленность и подъем) принимали более выраженный характер, а границы их как бы размывались (периоды благополучия постепенно исчезли). Вот как описывает это Гоголь в 1842 году: «Я был болен, очень болен и еще болен донныне внутренно; болезнь моя выражается такими странными припадками, каких никогда еще не было. Но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напоминало мне ужасную болезнь

мою в Вене, а особенно, когда я почувствовал то подступающее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние». Мы видим, что границы аффективных состояний стерты (экстаз и тоска не разносятся во времени), а сознание носит характер сновидного.

Гоголю смолоду был свойствен определенный мистицизм, который некоторые биографы связывали с влиянием матери, большой любительницы «страшных историй». Писатель их живо воспринимал, и в дальнейшем у него не было практически ни одного произведения, где не действовали бы колдуны, покойники, утопленницы и тому подобные персонажи. Слушая сказки и песни на Украине, он впитывал их и блестяще использовал в повестях. Его мышление уже в молодости отличалось большой склонностью к фантазиям и мистическим построениям. А. С. Пушкин при описании фантастического сна Татьяны использовал персонажей небольшой фламандской картины «Искушение святого Антония», висевшей в Тригорском, где он видел «остов чопорный и гордый» и «ведьму с козьей бородой». Гоголю же для описания «страшных» сцен не нужны были никакие картины, он легко все выдумывал сам, таков был склад его мышления. Вспомните: «Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над землею. Борода по самые пяты; пальцы с длинными ногтями вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости...» («Страшная месь»). Или: «...Слышал, как нечистая сила металась вокруг него, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов... Видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ним держалось что-то в воздухе в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками» («Вий»). Поражительная фантазия, напоминающая сновидное помрачение сознания при остром психозе. Подобные ужасы мы действительно можем увидеть лишь на картинах старых мастеров, рисующих «искушения святых». Таким образом, мистицизм, склонность к мрачному фантазированию были свойственны мышлению Гоголя, парадоксально соседствуя с противоположной чертой его таланта – искрометным юмором. Такие противоречия психики обычно характерны для людей неуравновешенных, склонных к расстройствам психической деятельности. Это, к сожалению, подтвердилось и в жизни Гоголя. Мистические мотивы в мышлении переросли затем в идеи о его особом предназначении, роли пророка, устами которого «говорит Создатель». Мы видим, что болезнь, начавшаяся почти как физическое страдание (слабость, нарушение работы желудочно-кишечного тракта), постепенно овладевает психической деятельностью больного: меняет его характер, мышление, стиль жизни, обедняет и извращает творчество.

Помимо описанных выше расстройств в состоянии писателя появились и другие болезненные признаки. О них мы можем судить также по произведениям, созданным после 1843 года, а писать он продолжал много (письма, статьи, второй том «Мертвых душ», позднее сожженный, и др.), хотя творчество его резко изменилось. В 1846 году стали печататься печально знаменитые «Выбранные места из переписки с друзьями», прочтя которые В. Г. Белинский написал Гоголю свое известное «Письмо». Надо сказать, что это произведение вызвало много толков, читатели удивлялись и осуждали Гоголя – поражались тому, что человек, сочинивший «Ревизора» и «Мертвые души», мог «так низко пасть». Дело в том, что в «Выбранных местах...» он оправдывал существующий порядок, в том числе крепостное право, рекомендовал помещикам «отеческую расправу» – порку и т. д. Позднее он писал, что

считает это произведение своей «единственной стоящей книгой». Книга поражает не только содержанием, но и формой. Вот, например, выдержка из VI письма «О помощи бедным»: «Помогать надо прежде всего тому, с которым случилось несчастье внезапное, лишило его всего за одним разом: или пожар, сжегший все дотла, или смерть, похитившая единственную подпору, словом – всякое лишение внезапное, где вдруг явится человеку бедность, к которой он еще не успел привыкнуть. Тогда несите помощь».

Вообще-то на психиатрическом языке это называется бесплодным мудрствованием, или резонерством. Это вариант нарушения мышления, другого объяснения здесь быть не может. Произведение «Выбранные места...» свидетельствует о психическом расстройстве автора. Появление книги, связанное с непреодолимым желанием поучать, обусловлено болезненными мыслями писателя о своем высоком предназначении, уверенностью, что его устами говорит Бог. В книге еще много несуразных мест, доказывающих нездоровье автора. Гоголь «сверхкритически» относится к своему творчеству, радуется, что его ругают в печати и в разговорах за «Мертвые души». Он пишет: «Вы напрасно негодуете на неумеренный тон некоторых нападения на „Мертвые души“. Это имеет свою хорошую сторону. Иногда нужно иметь противу себя озлобленных... кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить ее так ярко наружу, что поневоле ее увидишь». Вот как. Оказывается, злобная критика – хорошее творческое вспоможение даже для гениального писателя. Вообще при чтении этой книги создается впечатление, что автору все равно, кому и что проповедовать, лишь бы проповедовать. Так, проблеме просвещения он уделяет полторы страницы, но зато переводу В. А. Жуковским поэмы Гомера „Одиссея“ он отводит очень большое место, ставя ее чуть ли не рядом с Библией (и это будучи очень религиозным человеком): «Дворянин, мещанин, купец, грамотей и не грамотей, рядовой солдат, ребенок обоего пола, начиная с того возраста, когда ребенок начинает любить сказку, ее прочитают и выслушают без скуки. Обстоятельство слишком важное, особенно если примем в соображение то, что „Одиссея“ есть и самое нравственное произведение...». Заявление более чем странное, если учесть, что в то время вряд ли кто-нибудь, кроме крайне заинтересованных лиц (поэты, писатели, критики, ну и досужие книголюбы), стал бы читать громоздкий, хотя и талантливый перевод Жуковского, особенно нелепо это выглядит в отношении солдат, для которых еще не были отменены шпицрутены. Здесь сказалось не только расстройство мышления, но и долгое пребывание Гоголя за границей. То есть в то время у жителей России было множество проблем помимо чтения вслух перевода «Одиссеи» Жуковского. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать самого Гоголя («Ревизора» и первый том «Мертвых душ»).

Но и в «Выбранных местах...» были талантливые, блестящие строки (они, правда, были написаны в 1843 году, когда изменения личности еще не были отчетливо выражены): «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем». Какая меткая характеристика своего творчества и ссылка на Пушкина, который Гоголя высоко ценил! Это не хвастовство – Гоголь имел полное право так писать.

Вспомним, что, к счастью, на начальных этапах болезнь текла приступообразно, отмечались состояния творческого подъема, что давало возможность в полной мере проявиться врожденному чувству юмора Гоголя и использовать сведения, накопленные с помощью его феноменальной способности наблюдать и запоминать.

В общем, творческая судьба Гоголя складывалась удачно. Он был рано признан читателями и литературной братией, его при жизни высоко ставили Пушкин и Белинский, он не был гоним и заперт на жительстве в России, как Пушкин. Он ездил и жил где хотел. Был

достаточно обласкан правительством (несмотря на едкую сатиру, его произведения бойко печатались без особых цензурных искажений; на первом представлении «Ревизора» в Александринском театре присутствовал царь с семьей), а в последние годы жизни он имел неплохое денежное содержание. Гоголь постоянно был в окружении почитателей своего таланта, готовых предоставить ему и кров, и материальную помощь. Тем не менее многолетняя болезнь, протекавшая вначале приступами, а затем непрерывно, привела к полному краху его таланта и разрушению личности.

Как мы видели, его оценки в отношении собственных произведений резко сместились, он стал ценить только свои проповеднические труды (позднее некоторые назовут их реакционными), сосредоточив все мысли на состоянии здоровья, которое действительно было неважным. Он постоянно о нем молился и просил об этом всех, в первую очередь мать. Хотя болезнь была психического свойства, видимо, он тяжело страдал, его письма к матери напоминают просьбу Поприщина из «Записок сумасшедшего»: «Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку!.. Прижми ко груди своей бедного сиротку! Ему нет места на свете! Его гонят!»

Из общих болезней, кроме того, что он был вообще очень болезненным ребенком, Гоголь перенес отит («течь из уха») в детстве, простудные заболевания, какую-то «южную» лихорадку в Италии. Незадолго до смерти у него опять как будто появились выделения из уха, но никакого серьезного влияния на общее состояние это не оказало. У Гоголя явно была нарушена температурная регуляция. Периодически он испытывал сильные ознобы («мерз»). В некоторых воспоминаниях описывается изумление навещавших его знакомых, которые, придя к нему в довольно теплое или даже сильно натопленное помещение, заставляли Гоголя в ермолке, теплом халате и войлочных сапогах. В таком виде он работал. Видимо, поэтому он старался проводить холодное время года в теплых местах (Неаполе, Одессе). Такая чувствительность к холоду наблюдается обычно у людей с крайне восприимчивой нервной системой, им свойственны и беспричинные колебания настроения. Все его жалобы на здоровье (нарушения работы желудочно-кишечного тракта, слабость, неприятные ощущения в различных участках тела), возможно, были тесно связаны с аффективными колебаниями (сниженным настроением, тревогой, одним словом – депрессией). Такое расстройство, когда все мысли сосредоточены на собственном здоровье, когда человек постоянно думает о возможном его ухудшении и «роковом исходе», а фактическое состояние организма больного никакой опасности для жизни не представляет, в психиатрии называют *ипохондрией*. Она является составной частью депрессии. Все это мы можем видеть, анализируя душевную болезнь Гоголя.

Как мог заметить читатель, картина болезни не ограничивалась этими расстройствами, а включала в себя нарастание отстраненности, появление равнодушия к вещам, ранее волновавшим писателя, и сосредоточение всех мыслей на собственном здоровье, мессианстве, «обязанности» всех поучать, что сочеталось со склонностью к выпренным рассуждениям.

Необходимо добавить, что писатель еще страдал фобией (навязчивым страхом), а именно *тафефобией* — боязнью быть погребенным заживо. В своем «Завещании» в 1846 году он писал: «Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...». То, что описывает здесь Гоголь, можно расценить как *кататонический ступор* (полная обездвиженность), который может сопровождаться переживаниями овладения или воздействия (ощущением больного, что его действиями овладевает посторонняя сила, отрицательно воздействующая на его тело и разум). Современники вспоминают, что Гоголь панически боялся похорон и под всякими предлогами не участвовал в них, даже если речь шла о близких знакомых.

В советское время нас учили, что, живя в Риме, писатель попал под влияние реакционеров и мистиков. К ним относили в первую очередь художника А. А. Иванова (автора картины «Явление Христа народу»), который также был душевнобольным и страдал манией преследования. Гоголь сам разделял с приятелем его бредовые идеи и учил его, как следует себя вести с воображаемыми преследователями.

В последний раз состояние Гоголя стало ухудшаться в Новый, 1852, год. В это время умерла его многолетняя приятельница Е. М. Хомякова (писатель любил общаться со светскими дамами, которые с восторгом слушали его «поучения»). Гоголь был очень расстроен, утешал вдовца, поэта А. С. Хомякова, а сам становился все более мрачным. Ездил в Преображенскую (психиатрическую) больницу. В то время там пребывал знаменитый юродивый-прорицатель, к которому вся Москва ездила за советами и предсказаниями, – И. Я. Корейша. Гоголь постоял у ворот «на ветру», в больницу не пошел и уехал домой. Состояние его день ото дня ухудшалось, он становился все более замкнутым, почти не ел, постился. Писатель просил хозяина дома, где он квартировал, графа А. П. Толстого, взять его портфель с рукописями, а Толстой «постеснялся» – не хотел разделять мрачного настроения писателя и мыслей о том, что все кончено. И вот в один из вечеров Гоголь в присутствии прислуживающего ему мальчика сжег все свои рукописи (в том числе и второй том «Мертвых душ», отрывки из которого читал публично незадолго до этого). Вскоре после этого он залег в постель и последние дни перед смертью с нее уже не вставал. Вначале лежал в одежде, отвернувшись лицом к стенке, односложно отвечал на вопросы, говорил, что «уже приготовился к смерти», ничего не ел. О своих переживаниях в это время писатель никому не рассказывал, да его никто особенно не расспрашивал. Он страшно похудел, как вспоминал один из врачей, «через живот можно было прощупывать позвонки». Его лечили по крайней мере четыре врача, которые в последние дни перед смертью буквально залечили больного, применив весь арсенал средств тогдашней медицины: ванны, влажные обертывания, кровопускания, пиявки и даже гипноз. Пытались его кормить насильно. Ничего не помогало. Гоголь все время был в сознании, вяло реагировал на процедуры и только просил оставить его в покое. Вероятно, врачи недооценивали тяжесть психического состояния своего пациента. Весть о болезни великого писателя быстро облетела Москву, и в комнате перед его кабинетом толпился народ. Только за 6 – 7 часов до смерти он впал в забытие, а потом, не приходя в сознание, умер. Это случилось 21 февраля (4 марта по новому стилю) 1852 года.

Такова была трагическая безвременная кончина гениального писателя, причиной которой явилось истощение, наступившее из-за отказа от пищи, что, в свою очередь, было обусловлено болезненными переживаниями (бредовые идеи, и, возможно, галлюцинации с депрессивной окраской), резким ухудшением его психического состояния (обострилась болезнь, мучившая Гоголя большую часть его жизни). Об этом свидетельствуют отсутствие симптомов какого-либо физического заболевания и полное бессилие врачей со всеми лечебными мероприятиями. Болезнь Гоголя, протекавшая на фоне нарастающих изменений личности (замкнутость, расстройства мышления, равнодушие к явлениям, которые раньше волновали и вызывали протест) и проявлявшаяся аффективными колебаниями (депрессии и состояния подъема), а также бредовыми идеями (ипохондрия и мессианство), привела к извращению и уменьшению его творческих возможностей, нарушила его связи с окружением. Сейчас на основании данных признаков можно с достаточной долей уверенности сказать, что он страдал шизофренией с аффективными колебаниями (расстройства настроения), причем у него было приступообразное течение болезни.

Однако и в отведенное ему судьбой время он сумел сделать столько, что, безусловно, воздвиг себе, как и А. С. Пушкин, «памятник нерукотворный». И. С. Тургенев, в то время уже известный литератор, писал в некрологе: «Гоголь умер! – Какую русскую душу не потрясут эти два слова?.. Потеря наша так жестока, так внезапна, что не хочется ей верить... – Да, он

умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!». За этот некролог, напечатанный в Москве в обход цензурного комитета, И. С. Тургенев был сослан в свое имение в Орловской губернии. История повторилась: М. Ю. Лермонтов был сослан за стихотворение «На смерть поэта», явившееся реакцией на убийство А. С. Пушкина.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ

Смерть наступила раньше самой смерти

К. Н. Батюшков

Художник О. Кипренский. 1815

Он считался олицетворением молодости и надеждой русской литературы начала XIX века, был любимым поэтом Пушкина-лицеиста. Впрочем, и в зрелые годы Пушкин относился к нему с большой симпатией, награждая его эпитетами «счастливый ленивец», «певец забавы». Однако можно утверждать, что великий поэт рассматривал Батюшкова весьма односторонне, что мы и попытаемся показать.

Жизнь Константина Батюшкова для XIX века была относительно долгой – 68 лет, но ровно половина ее протекала под гнетом душевной болезни. Творчество продолжалось до 34 лет. Напрашивается дежурная фраза: «Ах, сколько бы он еще написал, если бы не заболел!». Однако в болезни Константина Батюшкова, в том, что, по выражению одного из литературоведов, «смерть наступила раньше самой смерти», есть своя печальная оправданность.

Внешне жизнь его была богата событиями. Родился в 1787 году в небогатой помещицкой семье, которой принадлежало несколько мелких поместий в Вологодской губернии. Детские и юношеские годы прошли в Петербурге, где он получил хорошее образование – сначала во французском, затем в итальянском пансионе; владел французским, немецким, итальянским языками, латынью и греческим. Читал и переводил Гомера, Данте, Боккаччо,

Петрарку. Особо боготворил Батюшков поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо, также страдавшего тяжелым психическим расстройством. Не чувствовал ли он родство душ?

После окончания пансиона Батюшков служил в Департаменте народного просвещения и работал в Императорской публичной библиотеке. В начале второй войны с Наполеоном (1806 – 1807), в 23 года, решил пойти добровольцем в армию, где исполнял обязанности сотенного начальника Санкт-Петербургского милиционного батальона, затем отправился на войну в чине подпоручика. В том же году в сражении под Гельсбергом был ранен в ногу и лечился уже в России.

Еще одна война Батюшкова – Русско-шведская (1808 – 1810). Рвался он участвовать и в войне 1812 года, однако вначале расхворался (лихорадка), затем был связан долгом вывезти из Москвы своих родственников. Однако в 1813 году он снова в действующей армии, в дивизии знаменитого героя Отечественной войны Н. Н. Раевского. Участвовал в «битве народов» под Лейпцигом; вместе с победоносными русскими войсками вошел в Париж.

Последнее место его военной службы – захолустный Каменец-Подольск. Отставка. Затем он снова трудился в Императорской публичной библиотеке в должности помощника начальника отдела манускриптов. Дальше Батюшков неожиданно переходит на дипломатическую службу в Неаполь (в Королевстве Обеих Сицилий). Восстание карбонариев приводит его в ужас. После возвращения из Италии в 1821 году «жизнь его превращается в историю болезни» (Зубков Н., 1999).

Но, несмотря на малый срок, отпущенный поэту для творчества, литературное наследие его велико: сатиры, басни, эпиграммы, элегии, поэмы, очерки, переводы, мемуары. Наиболее значительными его литературными произведениями считаются стихотворения «Видение на берегах Леты», «Мои пенаты», «Мой гений», поэма «Умиравший Тасс», военные мемуары, сказка «Странствователь и домосед». Интересно, что Константину Николаевичу принадлежит сравнение России со скачущим конем, позже блистательно выраженное А. С. Пушкиным («Медный всадник») и косвенно Н. В. Гоголем («птица-тройка»). В очерке «Прогулка в Академию художеств» Батюшков писал: «У нас перед глазами фальконетово произведение... сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостью мысли, сказал мне, указывая на коня фальконетова: „Он скачет, как Россия“».

До болезни поэт был весьма общителен; среди тех, с кем он был близок, – Гнедич, Жуковский, Вяземский, Уваров, дядя и племянник Пушкины, многие другие литераторы из объединения «Арзамас».

В психиатрии первая четверть XIX века – время примитивных классификаций. Диагноз, поставленный поэту, – мания преследования – с позиций сегодняшнего дня смешон: под манией подразумевается совершенно иное, и диагноз в целом – не название болезни, а название одного симптома («брда преследования»). Если же болезнь продолжается непрерывно более 30 лет и не приводит к слабоумию и смерти – это, безусловно, шизофрения.

На самом деле фигура Батюшкова трагическая, сотканная из противоречий. И первым этот трагизм заметил литературовед XIX века Л. Н. Майков, издатель его «Писем».

Батюшков признается в одном из писем к П. А. Вяземскому (1816): «С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с летами и чуть не зачернило мне всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли, не знаю...».

Возможно, «черное пятно» и тяжелые предчувствия были связаны с отягощенной наследственностью.

В 1795 году умерла его мать, за несколько лет до этого «лишившись рассудка». Еще несколько родственников в предыдущих поколениях были поражены душевным недугом. Старшая сестра поэта, Александра, ухаживавшая за ним в начале болезни, сама в 1829 году «лишилась ума» и вскоре скончалась.

Таким образом, поэт принадлежал к так называемым ядерным семьям, где душевные болезни передаются из поколения в поколение.

Вышеупомянутые противоречия и внутренние конфликты касались определения Батюшковым его места в поэзии. Вопрос «Кто я?» для себя он так и не разрешил.

То он считает для себя достаточным быть дилетантом («Послание к Н. И. Гнедичу»):

А друг твой славой не прельщался, За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные писал...

Или:

Пушай, кто честолюбьем болен, Бросает с Марсом огонь и гром.
Но я безвестностью доволен И счастлив в уголке простом.

То под влиянием того же Н. И. Гнедича, известного прежде всего переводом «Илиады», решает переводить величайшую (по оценкам своего времени) поэму Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», однако явно не находит сил для этого, под разными предлогами увиливая от обещания Гнедичу, и вообще сомневается в своем таланте («Беседка муз»):

Не молит славы он сияющих даров.
Увы! Его талант ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов, Как пчелке, невозможен.

То он, вопрошая у Гнедича о том, какая польза от перевода Тассо, снова бросается переводить классику («Песнь песней»), причем весьма неудачно.

Пройдя три войны, Батюшков, хоть и был бесстрашен в бою и не раз награжден, позже сравнивал себя с бабочкой, потерявшей в военном вихре крылья. Перед ним часто возникал призрак смерти. Таким образом, к мучительной раздвоенности: «Кто я?» прибавился новый вопрос: «Зачем все это?», усугубивший пессимизм.

В поэте шла незаметная для других внутренняя работа; он был явным интровертом, раздвоенность в нем наблюдалась постоянно. И он прекрасно это осознавал.

Во фрагменте из записной книжки «Чужое – мое сокровище» свой автопортрет Батюшков начинает словами: *«Недавно я имел случай познакомиться со странным человеком, каких много... Ему около тридцати, он то здоров, очень здоров; то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра: ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инок. Лицо у него доброе, как сердце, но столь же непостоянно.*

В нем два человека. Оба человека живут в одном теле. Как это?

Не знаю... ».

Нарастанию пессимизма способствовала и история единственной его любви – к Анете Фурман (1813). Батюшков то сомневался в своей возможности вступить в брак – малый рост, малое состояние;

то решал, что не находит ответа на свое чувство, видит вместо любви скорее покорность. Однако отказ от союза с любимой вызвал у самого Батюшкова нервное расстройство, исцеленное войной. Горе испытала и Анета Фурман. Не проявился ли в этой истории первые «росток» подозрительности поэта?

Были и другие проявления таких «ростков». Еще до рокового 1821 года Батюшков страшился похвал. Затеяв издание многотомных «Опытов в стихах и прозе», он то испытывал уверенность в успехе, то вдруг заявлял: «Сделают идиолом и тут же в грязь втопчут».

Все это приводило к состоянию, которое в те времена называли «нервическим». Еще в 1813 году он писал П. А. Вяземскому: «Я с ума еще не сошел, но беспорядок в моей голове приметен не одному тебе... Не могу отдать себе отчета ни в одной мысли, живу беспутно, убивая время и для будущего ни одной сладостной надежды не имею... ».

Всю жизнь Батюшков был ипохондриком, прибегал к «шпанским мушкам», хине. После 1815 года уверял, что война окончательно убила в нем здоровье.

Таким образом, как это часто бывает, «предболезненные расстройства» (до того как шизофренические симптомы грозно возвестят о себе) напоминали невроз. Может быть, сейчас опытный психиатр вычленил бы среди них симптомы шизофрении (подозрительность, сосуществование противоположных мыслей и чувствований). Однако это предболезненное состояние до 1821 года творчеству не мешало.

Казалось бы, любимец читающей публики и собратьев по перу, бесстрашный герой трех войн! Однако еще до 1821 года Батюшкова угнетало ощущение бесполезности прожитой жизни. Приведем краткое содержание его сказки «Странствователь и домосед». Некий афинянин, Филарет, носился по свету, искал истину, а по возвращении домой его сограждане готовились со вниманием выслушать его речь. Но речь он произносит совершенно бессмысленную, одновременно увещевает афинян не воевать, но и с соседями не мириться... Его избивают и изгоняют из города.

Недаром вскоре проявившаяся «мания преследования» включала в себя и депрессивные расстройства.

Первым свидетельством развития настоящей болезни из предболезненных проявлений считается письмо к Н. И. Гнедичу от 26 августа 1821 года. Оно сумбурно. Батюшков пишет о незаслуженных похвалах, находит подозрительным, что по истечении шести лет его снова начали хвалить, но главный предмет письма – опубликование в журнале «Сын отечества» элегий Плетнева «Б-ов из Рима» и «Подписи к портрету Батюшкова». По небрежности одного из сотрудников «Сына отечества» фамилия автора элегий была упущена. Заболевающий поэт воспринял эту накладку совершенно неадекватно. Во-первых, решил, что не принадлежащие ему стихи выпущены под его именем и публика так их и воспримет. Дальше написал: «Нет ничего глупее и злее. Вижу ясно: злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство... Буду бесчестным человеком, если когда что-либо напечатаю под своим именем. *Обруганный хвалами*, решил не возвращаться в Россию, ибо страшусь людей, которые... вредят мне заочно столь недостойным и низким средством». Плетнева же, искреннего своего почитателя, он и в этом письме, и в дальнейшем именовал «Плетаевым», находя в этом одному ему понятный смысл.

Когда Батюшков все-таки вернулся в Россию, близкие и друзья нашли его совершенно больным. Ему было рекомендовано лечение в Крыму (1822 – 1823). Болезнь продолжала прогрессировать. В Симферополе Батюшков сжег всю свою библиотеку, исключая Евангелие и почитаемого им французского поэта-романтика Шатобриана (позже он называл его «Шатобрильянтом», при этом многозначительно поглядывая на небо). В том же Симферополе он трижды покушался на самоубийство (выбрасывался из окна; в первый весенний день 1823 года пытался перерезать себе горло). Со свежим шрамом на шее, в сопровождении двух санитаров и врача-психиатра, был отправлен в Петербург. Очевидно, в крымский период болезни у поэта были и галлюцинации: полагал, что в печке у него спрятался министр иностранных дел Нессельроде, который следит за ним.

По распоряжению царя Александра I Батюшкову были предоставлены бессрочный отпуск и субсидия для лечения в Германии. Там, в городе Зонненштейн, консилиум врачей нашел его болезнь неизлечимой. Батюшков подал царю прошение о пострижении в монахи то ли в Соловецком, то ли в Белозерском монастыре. Но отпуск его продлевался из-

за болезни, лишь в 1833 году Николай I уволил его со службы, назначив весьма немалую пожизненную пенсию.

Из Германии Батюшков возвращается в Москву. Весной 1830 года заболел тяжелым воспалением легких. Пушкина, пришедшего его навестить, он не узнал. В Москве его держали в отдалении от людей. В 1832 году поэта перевезли в Вологду, и он жил в семье своей внучатой племянницы А. Г. Гревенс, в доме которой в 1855 году от «тифозной горячки» и умер.

Благодаря записям Антона Дитриха, лечащего врача вологодского периода, о состоянии поэта известно немало. В первое время Батюшковым овладевали приступы бешенства, его приходилось удерживать, чтобы он не нанес вреда самому себе и окружающим. В 1840 году на смену возбуждению пришла апатия. Он проводил время праздно, предпочитая уединение, не выходил из своей комнаты и не любил, когда к нему входили (это типичные проявления так называемого шизофренического дефекта). К некоторым людям проявлял необъяснимую ненависть, хотя других очень любил.

Следует отметить, что шизофреническая апатия, в отличие от подобных проявлений другого происхождения, не абсолютна – она изменчива и неожиданно сменяется глубокими чувствами. Так было и у Батюшкова: он искренне полюбил маленького брата А. Г. Гревенс, Модеста, и, когда мальчик на шестом году жизни умер, горько его оплакивал. Он даже завещал, чтобы его похоронили возле Модеста в Спасо-Прилуцком монастыре, что и было позже исполнено.

Отмечено, что и во время болезни Батюшков много читал, иногда принимался рисовать, причем странно: вырезал фигурки птиц и зверей из бумаги, раскрашивал их в неестественные цвета с вкраплениями золотой и серебряной фольги. Очевидно, аутизм (уход в себя, уединенность) преобладал над апатией.

Иногда в разговоре с симпатичными ему людьми у Батюшкова вырывались горькие признания. Так, уже престарелый поэт говорил своему племяннику: «Возьму почтовых лошадей, сяду в экипаж и отправлюсь в Париж, проеду верст 80 или 100, а в это время дорога-то передо мной и поворотится – смотрю, меня прямо, никуда не сворачивая, и привезут в Вологду. Вот так и не могу отсюда вырваться». Очевидно, «осколки депрессии» и в поздние периоды болезни у него сохранялись.

Удивительная метаморфоза произошла с давно больным шизофренией Батюшковым в начале Крымской войны (1853), даже разнеслась весть о его чудесном выздоровлении. Апатия ушла, он стал читать русские и иностранные газеты, следил по карте за ходом военных действий, втыкая флажки. Казалось бы, воскресший патриотизм победил болезнь. Однако есть свидетельства, что он посчитал себя призванным разрешить запутанный «восточный вопрос» и вынести ему окончательный приговор.

Сохранялись ли какие-то присущие ему творческие стремления в период болезни? Решительно нет. К этому времени относятся два письма и три стихотворения, в которых прослеживается отпечаток психоза.

В одно из недолгих просветлений он написал поэту П. Вяземскому: «Что писать мне и что говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели, а нес на голове сосуд, чем-то наполненный. Поди узнай теперь, что в нем было».

Если в первом письме просматриваются отголоски недавней депрессии, то второе странно, нелепо. Датируется оно 1826 годом и отправлено якобы из города Тулы, в котором поэт не был. В письме он просит прислать ему духи, а деньги занять почему-то у Ивана Андреевича Крылова, когда-то давнего его сослуживца по Императорской публичной библиотеке. Просит племянницу не показывать его новые стихи «Подражание Горацию» некоему А. П. Брянчанинову, «ибо он презирает мой бедный талант, обитая, как Аполлон, посреди великих стихотворцев в граде святого Петра».

Стихотворений периода болезни оказалось три, вернее, два стихотворения и одно двестишье. Первое – «Подражание Горацию», написанное по просьбе племянницы Елены, датируется дважды, 1826 годом и 1850-м. Возможно, первый вариант был забыт и воссоздан вновь. Стихотворение напоминает по содержанию «Памятники» А. С. Пушкина, Г. Р. Державина и самого Горация. Вот отрывок из него:

Я памятник воздвиг огромный и чудесный. Прославя вас в
стихах, не знает смерти он.
Как образ милый, добрый и прелестный (И в том порукою наш
друг Наполеон)...

Наибольшие споры среди литературоведов вызывает стихотворение «Изречение Мельхиседека». Оно написано Батюшковым мелом на аспидно-черном сланце через три года после начала болезни, найдено после его смерти. Очевидно, этому стихотворению больной поэт придавал особое значение. Оно коротко:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет.
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудных слез.
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Российский писатель П. Г. Паламарчук находит стихотворение интригующе-загадочным, в то время как филолог Н. Н. Зубков – продиктованным болезнью. Мы склоняемся к последнему мнению. Ведь царь-священник Мельхиседек был, согласно Библии, бессмертен. Подобного его изречения в Библии не приводится. Заслуживает внимания версия Н. Н. Зубкова, что больной Батюшков перепутал Мельхиседека с Экклезиастом.

За два года до смерти поэт написал последнее двестишье:

Я просыпаюсь, чтоб заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.

ТОРКВАТО ТАССО

Психиатрическая головоломка

Торквато Тассо Портрет работы неизвестного художника. XVI в.

Ранее мы рассматривали случаи рокового влияния болезни на творчество (Гоголь, Батюшков). Торквато Тассо творил и будучи здоровым, и во время пребывания в психиатрической лечебнице. Не переставал писать и в период длительной болезни. Почему так случилось, спустя почти полтысячелетия разобраться трудно.

Торквато Тассо (1544 – 1595) сегодня больше известен литературоведам, чем широкой публике. Между тем он был культовым поэтом как при жизни, в эпоху Возрождения, так и по меньшей мере до конца XIX века. Гёте написал драму «Торквато Тассо», Байрон и Батюшков посвятили ему поэмы. Знаменитый французский художник Эжен Делакруа создал полотно «Тассо в госпитале Святой Анны». Поэму «Освобожденный Иерусалим» в России XIX века считали самым выдающимся произведением того времени. Разумеется, диагноз болезни Тассо неизвестен. В эпоху Возрождения «диагнозы» ставили отцы-иезуиты, инквизиторы, и было их всего два: «одержим дьяволом» или «не одержим дьяволом».

Итальянский психиатр Верга издал в XIX веке брошюру «Липемания Тассо» (липеманией называли «мрачное помешательство», то есть хроническую депрессию с бредом пре-

следования). С Верга соглашался и Чезаре Ломброзо. С другой стороны, знаменитый немецкий психиатр Эрнст Кречмер (и не он один) подозревал у поэта шизофрению. Торквато Тассо родился в Сорренто в семье аристократов. Его мать происходила из благородной тосканской семьи, отец – потомок древнего рода из Бергамо. Он также был литератором; чтобы отличить сына от отца, современники называли сына «маленьким Тассо» – Тассино. Отец неудачно участвовал в политических играх в раздробленной тогда Италии, и в результате семья была изгнана из Неаполитанского королевства, а малолетний Тассино вынужден был прервать занятия в школе иезуитов в Неаполе и продолжить образование в Риме и Урбино. Какие-либо данные об отягощенной душевными заболеваниями наследственности в семье отсутствуют.

Выражаясь современным языком, Тассо был «вундеркиндом»: говорить он начал в 6 месяцев, а латынь знал с 7 лет.

Будучи подростком, в Урбино он стал пробовать свои силы на литературном поприще, следуя сначала образцам придворной литературы. В 15 лет, решив, что обрел самостоятельность, Тассо начинает писать набросок поэмы о Первом крестовом походе (прообраз своего самого знаменитого произведения «Освобожденный Иерусалим»).

Для поэта была характерна крайне выраженная «охота к перемене мест», а также к смене литературных жанров (Ч. Ломброзо считал эти свойства характерными для душевнобольных гениев вообще, что не подтверждается многими биографическими исследованиями). Тассо переезжает из Урбино в Венецию, из Венеции в Падую, где изучает сначала юриспруденцию, затем философию и риторику. Создает рыцарскую поэму «Ринальдо». Вдруг резко меняет сферу своих занятий и пишет теоретический труд «Речи о поэтическом искусстве». В 1562 году переезжает из Падуи в Болонью, где продолжает обучение в университете. Однако через два года неожиданно пишет оскорбительную сатиру на студентов и преподавателей Болонского университета, после чего был изгнан из университета и вернулся в Падую. Там заводит множество знакомств из придворного окружения карликовых герцогств Феррары и Мантуи.

По мнению Ч. Ломброзо, для душевнобольных гениев характерно двойственное отношение к высокопоставленным лицам: они бранят их, льнут к ним, пресмыкаются перед ними. Это было свойственно и Тассо: он тянулся к знати, но временами конфликтовал с нею. С 1565 по 1571 год поэт служит придворным у кардинала д'Эсте и живет в герцогстве Феррара. Пишет стихи в альбомы сестер местного герцога. Вообще же отношения Тассо с женщинами не ограничивались стихами в альбомы; по ряду свидетельств, он был донельзя развратен, часто менял женщин. Но в 38 лет, уже больной, решил вести праведный образ жизни.

Другим пороком поэта было непрерывное пьянство. Еще до явных проявлений душевной болезни он в письме к герцогу Урбино писал: «Я не отрицаю в себе сумасшествия (предвидение? — *Прим. авт.*), но утешаю себя тем, что оно вызвано пьянством и любовью, так как действительно я пью жестоко».

В 1572 году он переходит на службу к герцогу Урбино, и в это время создает разнообразные по жанру литературные творения. Написаны поэма «Аминта», трагедия «Галеальто, король Норвежский»; закончена поэма о Первом крестовом походе, но Тассо еще не дает ей названия. В 1575 году он назначается придворным живописцем, в том же году началось душевное расстройство, не отпускавшее его почти до смерти.

Заболевание началось с всеобъемлющего чувства неуверенности в себе. Отношение к собственным произведениям стало двояким: сосуществовали гордость и неудовлетворенность созданным. Стал он сомневаться и в своей преданности католической вере, временами чувствовал себя еретиком. Настроение стало постоянно мрачным. Он считал, что его пером движет то Бог, то демон. «Это не может быть дьявол, — пишет Тассо в одном из писем. — Потому что он не внушает мне отвращения к священным предметам, но это и не простой смертный, так как он внушает мне идеи, прежде никогда не приходившие мне в голову».

Таким образом, заболевание, начавшись как депрессия с присущими ей идеями самообвинения, постепенно приобретало новые черты: чувство отчуждения и насильственности собственных мыслей и действий, что с позиций сегодняшнего дня свидетельствует о шизофрении. Объяснение вышеозначенного феномена склонностью поэта к поэтическому фантазированию опровергается дальнейшим течением болезни.

Он решил представить свои произведения на суд компетентных литературных критиков. Никакой пользы ему это не принесло: он то прислушивался к замечаниям, то сопротивлялся им, то придумывал сам новые недостатки и бросался их исправлять.

Тассо обращался и в святую инквизицию, чтобы члены суда проверили его твердость в вере, и остался недоволен «кротостью инквизитора», которому написал по этому поводу три письма. Страх перед муками ада за свои якобы еретические мысли не оставлял его.

Самое удивительное в истории болезни Торквато Тассо, что он осознавал свое душевное расстройство; сам считал себя душевнобольным. Приводим отрывок из его письма (по Ч. Ломброзо): «Я нахожусь постоянно в таком меланхолическом настроении, что все считают меня помешанным, и я сам разделяю это мнение, так как, не будучи в состоянии сдерживать своих тревожных мыслей, часто и подолгу разговариваю сам с собой. Меня мучают... крики людей, в особенности женщин, и хохот животных... звуки песен. Когда я беру в руки книгу... в ушах у меня раздаются голоса... они произносят имя Паоло Фульвии». Критическое отношение *не леченного* больного шизофренией к своим галлюцинациям – это вообще явление уникальное, и у Ч. Ломброзо были основания сомневаться: галлюцинации это или работа воображения. Сомневался в этом и сам больной. Приводим отрывок из поэмы «Посланник»:

А вот еще одно описание собственного состояния («Сонет»):

Мучимый страхом, сомнением и злобой, Должен я жить
одиноким скитальцем, Вечно пугаясь с безумной тревогой
Призраков мрачных и грозных видений, Созданных мной же
самим в час досуга...

Я устал бороться с толпою теней, Печальных иль мрачных, иль
светло-прекрасных.

Моей ли фантазии жалких детей Иль вправду врагов, мне
опасных? Найду ли я сил победить их один, Беспомощный
слабый отшельник?

Не знаю, но страх надо мной властелин, Не он ли и есть мой
волшебник?

Иногда Тассо овладевали и приступы веселого настроения. Он писал своему другу Шипионе Гонзаго: «Меня удивляет, что никто еще не записал, какие вещи я иногда говорю сам с собой, по своему произволу, наделяя себя воображаемыми почестями, милостями и любезностями со стороны простых людей, императоров и королей...».

В 1576 году он начинает конфликтовать с придворными; в 1577 бросается с ножом на слугу одного из них, который, как ему казалось, за ним шпионит. Герцог, обеспокоенный странным поведением поэта, отправляет его для лечения в монастырь Святого Франциска. Бред преследования у него был нестойкий и сопровождался частичной критикой. «Со мной часто случаются приступы бешенства», – писал он Шипионе Гонзаго.

Из монастыря Тассо бежит и начинает безостановочные и бездумные странствия по Италии. Он едет в Сорренто к своей старшей сестре Корнелии, зачем-то рассказывает ей о собственной смерти, затем признается, кто он; живет в Сорренто несколько дней и переезжает в Урбино к своему давнему соученику делла Ровере, ставшему герцогом; потом пере-

мещается в Турин и пытается попасть на службу в королевский дом Савойи (та же тяга к придворным кругам).

В дороге Тассо по-прежнему мучают тоска, беспричинные угрызения совести, подозрения, что он еретик, боязнь быть отравленным. Критическое отношение ко всему этому у него сохраняется, в письмах он пишет о продолжающихся фантастических картинах и образах.

В 1579 году поэт возвращается в Феррару. Герцогством там правит уже семейство Гонзаго. Во время бракосочетания герцога Альфонса поэт обрушивается на него с бранью и сразу же помещается как «сумасшедший» в лечебницу Святой Анны, где его содержат до 1586 года. Спустя 14 месяцев его состояние становится менее возбужденным, ему разрешают читать, писать, принимать посетителей, выходить на короткие прогулки. Однако ощущение себя жертвой несправедливости и в то же время желание наказания сохраняются. Второй удивительный феномен в истории болезни Тассо: даже мучимый душевным недугом, он не оставляет творчества. Во время пребывания в лечебнице Святой Анны пишет множество разножанровых поэтических и прозаических произведений, которые вышли в шести томах с 1581 по 1587 год; то есть большинство в тот период, когда он оставался в лечебнице.

Самое главное, что в то время он заканчивает поэму «Освобожденный Иерусалим», которая имела огромный успех. Однако автор опять был недоволен публикацией и собирается переделать поэму с первого до последнего листа.

В 1586 году Тассо выпущен из лечебницы и поручен заботам Винченцо Гонзаго, ставшего герцогом Мантуанским.

Конечно, вышел Тассо оттуда тяжело больным. Вскоре он пишет своему врачу Каттанео о том, что его болезнь «сверхъестественного происхождения», что у него завелся «домовой», который ворует пищу, деньги и ключи, производит беспорядок в его книгах, распускает про него вредные слухи. «Однако, – добавляет он, – я знаю, что страдания мои обусловлены помешательством». В другом письме тому же врачу он пишет о страшных сноподобных видениях наяву: мелькают перед глазами яркие огни, слышится ужасный грохот, свист, звон колоколов; голова становится тяжелой, болит все тело, «но вдруг появляется передо мной образ Святой Девы, юной и прекрасной, держащей на руках своего сына, увенчанного радужным сиянием». Такие фантастические видения – довольно часто встречающееся проявление шизофрении, этот синдром называется «онейроид». Но у Тассо фантастические видения появляются эпизодически. Когда он в такие дни заболевает «горячкой», к нему является Дух в столь осязательной форме, что Тассо говорит с ним и чуть не касается его руками. Дух вызывал идеи, раньше никогда не приходившие поэту в голову (это также уже отмечавшийся нами у Тассо симптом шизофрении – чувство насильственного навязывания извне мыслей и образов).

Тассо в больнице Святой Анны
Художник Э. Делакруа. 1839

Из Мантуи он также бежит. Бергамо – Рим – Неаполь – Флоренция... Но не прекращает творить. Тассо пытается возобновить религиозную поэзию, пишет ряд стихов в благодарность тем, кто оказывает ему приют. Однако основные усилия его были направлены на переписывание поэмы «Освобожденный Иерусалим». Фактически новое произведение выходит в свет в 1593 году под названием «Завоеванный Иерусалим». И неожиданно поэт обретает покой – за полтора года до смерти...

Папа Климент VII дает ему пожизненную пенсию и обещает провозгласить «королем поэтов» и короновать. До Тассо это звание носил Петрарка.

Однако до коронации поэт не дожил. В марте 1595 года последовал очередной приступ «горячки», и 25 апреля того же года поэт скончался. Погребен он в церкви монастыря Сант-Онофрио, его могила стала местом паломничества многих литераторов и поклонников.

Почему же столь длительное душевное расстройство не оборвало творчества? Остается только догадываться. Думается, что и в наше время обсуждение психиатрического диагноза Тассо вызвало бы немалые затруднения и споры. Очевидно, что это все же была шизофрения, но с весьма благоприятным течением и исходом. Такое наблюдается при преобладании в клинической картине аффективных (эмоциональных) расстройств, при волнообразном и периодическом течении болезни (прекращение ее незадолго до смерти Тассо, временное облегчение страданий в лечебнице Святой Анны свидетельствуют о таком волнообразном, или периодическом, течении). Проявления болезни были эпизодическими и продолжались короткое время. Критика болезни также утрачивалась лишь ненадолго, стойкого дефекта психики не развилось.

Таким образом, и при шизофрении способность творить у гениев может сохраняться.

ЖАН-ЖАК РУССО

Безумный предтеча якобинской диктатуры

Жан-Жак Руссо
Художник М. Кантена де Латура.
Музей Руссо, Женева. 1752

Философ-просветитель, писатель и композитор – это все Жан-Жак Руссо. Кроме того, он был учителем музыки и написал ряд статей по теории музыки и театра. Перепробовал он и другие занятия, а в конце жизни зарабатывал переписыванием нот.

Руссо жил и умер в бедности. Может быть, отсюда проистекает и радикализм (скорее, экстремизм) его политических взглядов, крайних даже для «энциклопедистов» (Вольтер, Дидро, Д'Аламбер), к которым его причисляли. Мы подробно остановимся на воззрениях Руссо, тесно связанных с его болезнью.

Как литератор он считал своим учителем Торквато Тассо. По словам Вольтера, Руссо был сумасшедшим, и сам всегда сознавался в этом. То же самое Вольтер мог сказать о Тассо, если бы интересовался им. Душевнобольной, критически оценивающий свое состояние, – не такой уж частый случай, особенно до появления психотропных лекарственных средств.

Однако мы сталкиваемся с этим феноменом и с атипичностью психических расстройств именно среди душевнобольных гениев.

Родился Руссо в 1712 году в Женеве. Мать умерла спустя несколько дней после его рождения. Отец вскоре покинул Женеву, и Жан-Жак учился в 1723 – 1724 годах в закрытом протестантском пансионе. Готовился стать судебным канцеляристом и одновременно учился на гравера. В юности, скитаясь по городам Швейцарии и Франции, он был лакеем, часовщиком, учителем музыки, живописцем, фокусником... Менял Руссо и религиозные убеждения, отрeksiсь сначала от католичества, потом от протестантизма.

Читатель вправе спросить о причине таких метаний: только ли борьбой за существование они обусловлены? Ответы мы находим у самого Руссо. Они свидетельствуют о близком к болезненному своеобразии его эмоционального восприятия. Это состояние, предшествующее развившемуся позже психозу («Исповедь», «Диалоги», «Прогулки одинокого мечтателя»):

«Я обладаю жгучими страстями и под влиянием их забываю обо всех отношениях, даже о любви, вижу перед собой только предмет своих желаний, но это продолжается лишь одну минуту, вслед за которой я снова впадаю в апатию».

«Будучи рабом своих чувств, я никогда не могу противостоять им; самое ничтожное удовольствие в настоящем больше соблазняет меня, чем все утехи рая».

«Голова моя устроена так, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтоб во дворе была зима».

«Мысли у меня текут медленно, с трудом. Красноречивым я становлюсь только в минуту страсти».

Помимо потребности в перемене занятий и взглядов, обусловленной сиюминутными, часто вымышленными страстями, Руссо испытывал неодолимую склонность и к смене мест (с юности, еще до тяжелой болезни): «Весной и летом я не могу быть в одной местности более двух или трех дней. Перемена места составляет для меня потребность. Если мне нельзя уехать, я болен».

Это напоминает известный даже людям без специальных психиатрических знаний симптом «дромомании» (склонность к бродяжничеству). Писатель признавался и в скрытой kleптомании, в том, что испытывает большее желание взять вещь, нежели ее купить.

Знаменательно одно указание Ч. Ломброзо, касающееся Руссо: его страсти отличались болезненной пылкостью, но без сострадания. То же (на этом мы остановимся позже) заимствовали adeпты его учения уже после смерти Руссо.

Пылкость писателя парадоксально сочеталась с эмоциональной холодностью. Он равнодушно относился к своим детям, к влюбленным в него женщинам. Ч. Ломброзо описан случай, когда Руссо оставил на дороге беспомощного приятеля-эпилептика. Постоянно меняя места и занятия, города и деревни, он призывал своих читателей к «уединению и слиянию с природой». Впрочем, здесь мы уже подходим к учению Руссо.

В 1741 году он приезжает в Париж и сближается с Дидро. Становится одним из авторов знаменитой «Энциклопедии», где пишет в основном статьи по вопросам музыки. В 1743 – 1744 годах он является секретарем французского посольства в Венеции (тогда суверенном государстве).

Выступать с поэтическими и музыкальными произведениями Руссо стал в 1740-х годах. Однако расцвет литературной деятельности начинается с 1750 года. Выходят его трактаты «Рассуждения о науках и искусствах» (1750), «Рассуждения о начале и основах неравенства среди людей» (1755), роман «Юлия, или новая Элоиза» (1761), «Об общественном договоре (трактат об идеальном обществе)» (1762), роман-трактат «Эмиль» (1762), автобио-

графический роман «Исповедь» (1765 – 1766). Последние произведения – «Диалоги (Руссо судит Жан-Жака)» (1775 – 1776) и «Прогулки одинокого мечтателя» (1777 – 1778).

Условно писателей можно разделить на тех, для кого занятие литературой является внутренней потребностью (укажем, например, на слова Эрнеста Хемингуэя: «Я не могу писать, следовательно, мне незачем жить»), и на тех, кого призывает к сочинительству возмущение общественным неустройством. К последней категории принадлежит и Жан-Жак Руссо. Недаром он был вынужден постоянно стимулировать искусственными средствами свое творчество – употреблял невероятное количество крепкого кофе, подолгу лежал на ярком полуденном солнце с открытой головой, чтобы вызвать прилив крови и активизировать мыслительный процесс.

Немецкий психиатр Эрнст Кречмер считал Руссо типичным моралистом и идеалистом.

В своих работах Руссо возмущался неустройством окружающего феодального общества:

«Горсть могущественных и богатых находится на вершине величия и счастья, тогда как толпа пресмыкается в безвестности и нищете» («Трактаты»).

«На протяжении всего развития многие достижения цивилизации становились средством порабощения большого народа» («Рассуждения о науках и искусствах»).

«Человек рожден свободным, а между тем он в оковах» («Об общественном договоре»).

Философ рассматривает возникновение неравенства и порабощения большинства меньшинством в историческом аспекте. Он провозглашает, что в первоначальном, естественном состоянии государство не знало привилегий. В естественном состоянии в государстве преобладали добродетели – свобода, равенство. Это был «золотой век».

Остановимся на этом. Когда же мы видели государство с признаками античной легенды о «золотом веке»? В Древнем Египте с владычеством фараонов? В рабовладельческих Греции и Риме? В военизированной Ассирии? Нет, эта идея Руссо абсолютно не базируется на реальности. Следовательно, она болезненна!

По учению философа, государство со временем вырождается, и происходит это благодаря развитию наук и искусств, что оказывает на человечество развращающее влияние. С позиций сегодняшнего дня эта идея выглядит также нелепой.

Однако главным в возникновении насилия Руссо считает появление частной собственности, что нанесло удар по чистоте общественных нравов, привело к рабству и нищете.

Где же выход? Их два.

Первый – наделить людей равной долей собственности, то есть поставить во главу угла принцип равенства (*не равноправия!*): «От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья, крикнул – плоды земли для всех, а сама она – ничья».

К чему привело подобное деление собственности, мы можем видеть на примере нашей страны.

Второе – революция, то есть насилие. И здесь Руссо становится поистине кровожадным: «Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, это акт столь же закономерный, как и акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных».

Писатель отстаивает право народа на свержение власти посредством вооруженного выступления: «Государство, пожираемое пламенем гражданской войны... возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости».

Неудивительно, что горячими почитателями Руссо были Марат, Сен-Жюст и Робеспьер, причем последний из них, держа в руках «Общественный договор (об идеальном обще-

стве)», отправлял людей на гильотину сотнями и чуть не со слезами на глазах, воображая, что творит добро и справедливость.

Тяжелые проявления психической болезни, а именно явный бред преследования и величия, стали особенно заметны у Руссо в разгар работы над «Трактатами» (утопические псевдореминисценции о государствах «золотого века» и пр.) Первые признаки болезни окружающие его люди заметили в 1750 году – во время работы над трактатом «Рассуждения о науках и искусствах». Именно тогда Вольтер называет Руссо опасным сумасшедшим, нуждающимся в немедленной изоляции.

Сначала это был ипохондрический бред (навязчивая идея опасного заболевания): «Стоило ему прочесть медицинскую книгу, – пишет Ч. Ломброзо, – и он представлял все описанные в ней болезни». Чаще всего он воображал, что у него „полип сердца“».

Работа над «Энциклопедией», «Трактатами», теорией музыки идет параллельно с нарастанием безумия. К началу 1760-х годов писатель начал высказывать идею «всемирного заговора», направленного против него. На него якобы ополчились все – Пруссия, Англия, Франция, короли, орден иезуитов. Он считал, что место его «я» занял незаметно некий монстр, который и подвергается преследованию. Стремление к перемене мест теперь обусловлено попытками спасения от мнимых врагов; безумие гонит его в леса, в деревню, снова в большие города, но нигде не оставляет в покое.

В 1762 году Руссо бежит в Англию, совершенно без денег, оплачивая свое пребывание в лондонской гостинице серебряными ложками. Опасаясь ареста, уезжает из Лондона на берег моря и произносит речи с вершины прибрежного холма, адресуя их единственному человеку. Возвращению во Францию мешает сильный ветер на Ла-Манше, что он также относит к проискам злых сил. В 1770 году писатель все же приезжает во Францию. Но и там идеи преследования не покидают Руссо, подозрительным ему кажется все: продавца картин помещают напротив его дома, чтобы лучше наблюдать за ним; когда он хочет почистить ботинки, у мальчика специально не оказывается ваксы, а когда он хочет переправиться через Сену, у лодочника специально не оказывается судна, и т. д.

Бредовые идеи преследования дополняются идеями величия: всевластие врагов-преследователей является доказательством его собственной значимости.

Всеми этими болезненными идеями переполнены его «Диалоги (Руссо судит Жан-Жака)».

Почему же, несмотря на глубоко зашедшую душевную болезнь, книги мыслителя приобретают огромную популярность? Стоит обратить внимание на два момента: предреволюционное время, когда творил Руссо, и его огромный писательский и публицистический талант. Как и большинство описываемых нами гениальных творцов, перо он не оставлял до самого смертного часа. Болезненные идеи чередовались у него с дальновидными предсказаниями о торжестве материалистической философии и о возникновении деспотических государств, основанных на лжи, принуждении и тотальной слежке.

День и час желаемой им смерти Руссо тоже предсказал.

Таким образом, болезненный процесс (шизофренический) может оборвать творчество (К. Батюшков); привести к его оскудению (Н. Гоголь); «сосуществовать» с творчеством (Тассо, Руссо) – причем из них двоих только у Руссо болезненные идеи проникают в творчество.

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

Никому не пожелаю пройти через такие испытания

Жерар де Нерваль Дагерротип

Имя французского писателя и поэта-романтика Жерара де Нерваля в настоящее время не очень известно широкому кругу читателей. Во Франции его, конечно, знают лучше. Он был первым переводчиком «Фауста» Гёте на французский язык, причем Жерар Лабрюни (настоящая фамилия будущего писателя) выполнил перевод еще до окончания лицея. Эта работа принесла студенту славу во всей Франции. Он познакомился с представителями парижской богемы и знаменитыми деятелями искусства и продолжил свою литературную деятельность. Выбор для нашего исследования личности Нерваля вызван яркостью его болезненных проявлений, которые он, как немногие (пожалуй, только еще Стриндберг и Гаршин), отразил в своих художественных произведениях. Это был психически тяжело больной человек, который до последних дней своей жизни не прекращал литературного творчества и необычайно красочно описал собственные переживания.

Жерар де Нерваль родился 22 мая 1808 года в Париже, в семье военного врача. Мать умерла, когда мальчику было 2 года, и похоронена в Германии, где семья оказалась во время наполеоновских войн. Образование будущий писатель получил в парижском лицее Карла Великого. Стал изучать медицину, но бросил. В начале своей литературной деятельности завязал дружеские отношения с Т. Готье, В. Гюго и др. Среди его корреспондентов были

Жорж Санд и Ф. Лист. С 16 лет сочинял стихи и публиковал их, пытался писать пьесы. В 1828 году он издал перевод первой части «Фауста», восхитивший самого Гёте. Одно время Нерваль был членом «бригады», писавшей для А. Дюма-отца приключенческие романы. Словом, Нерваль был весьма одаренный человек, заслуженно принятый в парижские литературные круги.

Однако довольно рано в поведении Нерваля стали отмечаться странности и неадекватность, которые резко проявились к 33 годам, когда начались его многолетние скитания по психиатрическим лечебницам. Причем в его окружении одни не замечали ранние признаки заболевания, а другие не расценивали их как проявления болезни. Он производил на людей впечатление незащитного человека, которого легко обидеть, потому писателя нередко называли «наш нежный Жерар». Когда в 26 лет он влюбился в актрису комической оперы Женни Колон, поначалу никто не догадывался о его любви, в том числе и объект чувств. После того как об этом стало известно, многие не могли понять поведения поэта и его высказываний по этому поводу. Любовь была платонической: каждый вечер Нерваль стоял за кулисами только за тем, чтобы взглянуть на свою возлюбленную, которую он позднее в своей незаконченной повести назвал Аврелией. Иногда на улице он принимал посторонних женщин за свою любимую. Когда же между ними возникла короткая связь, выяснилось, что предмет любви вовсе не соответствует представлениям поэта – Нерваль «любил монахиню в лице актрисы». Как уже упоминалось, в 33 года у писателя возникли явные психические расстройства. Вот как он сам описывает один из приступов болезни: «Однажды вечером около полуночи я возвращался в часть города, где жил, когда, случайно подняв глаза, я заметил номер одного дома, освещенный фонарем. Это число равнялось числу моих лет. Опустив глаза, я увидел перед собой женщину с бледным лицом, глубоко запавшими глазами. Мне показалось, что она имела черты Аврелии. Я сказал себе: „Это предсказание ее смерти или моей“. И не знаю почему, я остановился на последнем предположении; я был осенен мыслью, что это должно произойти завтра в тот же час». Ночью Нерваль видел вещий сон на ту же тему. На следующий день вечером, когда приближался «роковой час», он «стал искать на небесах звезду, которую... знал и о которой думал, что она имеет какое-то влияние» (на него. — *Прим. авт.*). Дальше Нерваль пишет: «Отыскав ее (звезду. — *Прим. авт.*), я продолжил мой путь по тем улицам и в том направлении, чтобы она была мне видна, идя, так сказать, за своей судьбой и желая видеть звезду до той минуты, когда смерть поразит меня. Дойдя, однако, до соединения трех улиц, я не хотел идти дальше. Мне казалось, что мой друг (действительно шедший с ним. — *Прим. авт.*) употреблял сверхчеловеческие усилия, чтобы заставить меня сдвинуться с места; он увеличивался на моих глазах и принимал черты апостола. Мне казалось, что место, где мы стояли, поднимается и теряет городской вид; на холме, окруженном безграничными пустынями, эта сцена делалась сценой борьбы двух духов, образом библейского искушения. „Нет, – говорил я, – я не принадлежу к твоему царству небесному. На этой звезде живут те, кто существовал еще до возвещенного тобою откровения. Оставь меня соединиться с ними, потому что среди них та, кого я люблю, и там мы снова должны найти друг друга“».

В этом описании, взятом из повести «Аврелия», мы находим множество признаков психоза, который время от времени возникал у писателя. В первую очередь это *галлюцинации* (превращение неизвестной женщины в Аврелию, друга – в апостола; изменение окружающего, потерявшего «городской облик»). Отмечаются также *идеи воздействия* — ощущение влияния посторонней силы (апостол через друга Нерваля старается сдвинуть его с места). Писатель добавляет, что ощущает свое тело наэлектризованным, «способным опрокидывать все». В описании присутствуют элементы *манихейского бреда*: борьба двух духов, доброго и злого, а в центре этой борьбы обычно находится сам больной. В мышлении Нерваля в это время присутствует своеобразная символика, выражающаяся, например, в оценке цифр,

имеющих «определенный смысл»: апостол привел его к соединению трех улиц, борьбу ведут два духа. Эти расстройства, сопровождаемые переживанием экстаза или ужаса, характерны для *онейроидного* (сновидного) помрачения сознания. Все это в совокупности – признаки острого шизофренического психоза, периодически возникавшего у писателя.

Между приступами болезни он путешествовал, чувствуя себя вначале практически здоровым, хотя прекращение болезненных ощущений воспринималось им как утрата какого-то творческого импульса: «Впрочем, выздоравливая, я утратил это мимолетное озарение, которое позволяло мне понять моих товарищей по несчастью (пациентов психиатрической клиники. — *Прим. авт.*); идеи, которые обуревали меня, почти все исчезли прочь вместе с горячкой и унесли с собой ту малую толику поэзии, которая проснулась было в моей голове».

Страсть к путешествиям он объяснял желанием избавиться от тревоги, прийти в состояние душевного равновесия. Некоторые больные с этой целью начинают злоупотреблять алкоголем. Нерваль в конце жизни тоже часто пил. Оценивая свои переживания, писатель не может полностью признать их болезненными – явление, постоянно наблюдаемое у больных хроническими бредовыми психозами, которое в психиатрии называется потерей способности *критического осмысления* болезненных переживаний. «Я был в безумии, это точно, если, однако, полностью сохраненная память и определенная логика мышления, не покидавшие меня ни на минуту, не позволяют охарактеризовать мою болезнь иначе, как этим горьким словом: безумие! Несомненно, для врача это было именно оно, хотя для меня всегда находили более вежливый синоним; для друзей это не могло значить ничего другого; для одного меня это было преобразование моих обычных мыслей, сном наяву, чередой гротескных или возвышенных иллюзий, в которых было столько очарования, что мне лишь хотелось снова и снова погружаться в них, ибо физически я не страдал ни минуты, за исключением моментов лечения, которое почитали долгом мне навязывать».

После прекращения наиболее острых проявлений болезни поэт старался скрыть их и «оправдать». Это особенно заметно в его письмах к друзьям и врачам. С первыми он более откровенен. «Я всегда такой же, какой я был, какой я есть, странно только, что меня находили другим в те несколько дней, прошлой весной. Иллюзии, софизмы, сомнение – вот враги здравого смысла, в котором у меня никогда не было недостатка. В сущности, мне снился занятный сон, иянемжалею. Я даже иной раз задаюсь вопросом, не был ли он реальнее, чем то, что кажется единственно объяснимым и естественным сегодня. Но поскольку здесь (в психиатрической лечебнице. — *Прим. авт.*) есть врачи и комиссары полиции, которые следят за тем, чтобы поле поэзии не расширили за счет общественных мест, то мне не давали выйти и жить среди нормальных людей, пока я формально не признаю себя больным, что дорого обошлось моему самолюбию и моей честности. Сознайся! Сознайся! – кричали мне, как прежде кричали колдунам и еретикам, и, чтобы с этим покончить, я дал приписать себе недуг, которому врачи нашли определение и который в медицинском словаре называют без разбору то теоманией, то демономанией», – писал поэт еще в начале болезни жене А. Дюма – Иде. Несмотря на некоторые противоречия, из письма ясно, что свои «грезы» Нерваль не считает болезнью и, признавая болезнь, он лишь делает уступку «врачам и комиссарам полиции».

В письме же к лечащему его психиатру Эмилю Бланшу он пишет: «Встреча с отцом могла бы восстановить мои душевные силы и придать мне энергии для продолжения работы, которая, как мне кажется, должна приносить пользу и делать честь вашему заведению. Благодаря ей мне удастся освободить голову от видений, которые так долго ее наполняли. На смену болезненным фантазмагориям придут более здравые мысли, и я смогу вернуться в мир живым доказательством ваших забот и вашего таланта». Вопреки внутреннему несогласию, он «соблюдает правила игры» – льстит врачам, благодарит их, несмотря на то что

методы, которые применялись в лечении, были малоприятными, а подчас мучительными. Хотя эпоха Филиппа Пинеля уже наступила (освобождение душевнобольных от цепей и придание сумасшедшим домам вида учреждений, напоминающих больницы), в психиатрии еще были в ходу смирительные рубашки, «лед на голову» и другие подобные мероприятия. Однако уже тогда (в середине XIX века) принимались меры по гуманизации отношения к пациентам психиатрических больниц. Об этом свидетельствует и пример самого Нерваля, который, несмотря на пометку в истории болезни «неизлечим», при улучшении состояния выписывался и жил вне стен больницы, пока обострение болезни, выражавшееся в неправильном поведении (возбуждение, нелепые поступки) не приводило его обратно. В конечном итоге «гуманное отношение» врачей (преждевременная выписка), успокоенных заверениями больного, сыграло роковую роль.

Судьба Нерваля подтвердила психиатрический диагноз шизофрении. Болезнь протекала приступообразно, однако полностью поэт в себя никогда не приходил. Он постепенно терял связи с друзьями, которые перестали его понимать. Поэт надолго куда-то исчезал, превратившись в сумасшедшего бродягу, писал на обрывках бумаги «загадочные» тексты. В его состоянии постоянно присутствовал определенный аффективный компонент, часто это было депрессивное настроение: «Мне казалось, что я сам Бог, и заключен при этом в довольно жалком воплощении (смесь идей величия и низкой самооценки. — *Прим. авт.*)». Или: «Ты видишь, я рассуждаю уверенней, чем прежде. Это потому, что болезнь и порожденная ею меланхолия укрепили меня в моих помыслах».

Видимо, эти элементы депрессии, сознание болезни и ощущение полной беспомощности перед ней и толкнули Жерара де Нерваля на самоубийство. Накануне он бегал по Парижу, просил одолжить ему какую-то конкретную ничтожную сумму (причем больше не брал).

Ночью он постучал в ночлежку на улице Старого Фонаря. Хозяйка не пустила его, стала ругать. Он затих. А утром его нашли повесившимся на решетке отопления у той самой ночлежки. Это случилось 26 января 1855 года. Так закончил свою жизнь один из талантливых французских поэтов. Несмотря на болезнь, Нерваль сохранил творческие способности, о чем свидетельствуют хотя бы его яркие описания собственных болезненных переживаний.

Шарль Бодлер писал в 1856 году о Нервале: «Сегодня, 26 января, ровно год – с тех пор, как один писатель восхитительной честности, высокого ума, который *всегда был в ясном сознании*, тихо ушел, никого не потревожив... чтобы выпустить свою душу на волю, на самой темной улице, какую сумел найти...»

Его причудливая проза – повесть «Аврелия», в которой грезы неотделимы от реальности, пользовалась большим успехом у французских сюрреалистов в 1920-е годы.

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Мой пылающий мозг бешено работал

Август Стриндберг
Фото

«**Великим шведом**» по праву называют Августа Стриндберга, писателя, классика шведской литературы и драматурга, предопределившего пути развития театра XX века, реалиста, исповедовавшего принцип «абсолютной верности действительности». Он был исследователем глубин человеческой души и тончайших психологических оттенков отношений между людьми, обнажая самые сокровенные стороны людских переживаний и изобличая негативные социальные процессы. При всей своей творческой активности, продолжавшейся до конца жизни (он оставил после себя 55 томов разных произведений), Стриндберг всю жизнь страдал психическим расстройством, то затихающим, то вспыхивающим с новой силой. В творчестве писателя тесно переплелись болезненные переживания и реалистические наблюдения, философские размышления и гротеск. Первой русской читательницей писателя была Софья Ковалевская, являвшаяся в то время профессором Стокгольмского университета. Ей очень нравилась проза Стриндберга, и она рекомендовала его русским издателям. Юхан Август Стриндберг родился 22 января 1849 года в Стокгольме. Он происходил из старин-

ной аристократической династии. Прадед его служил королю Карлу XII и получил дворянство. Отец писателя, Карл Оскар Стриндберг, был инспектором пароходства; мать, Элеонора Ульрика Норлинг, очень набожная женщина «из простых», в юности работала служанкой. В семье было шесть детей.

Мать умерла от туберкулеза, когда Августу было 13 лет. С мачехой у него не складывались отношения. Анализируя свои детские переживания, Стриндберг, уже будучи взрослым и отождествляя их с переживаниями литературного героя, писал: «Он пришел в мир испуганным и жил в постоянном страхе перед жизнью и людьми». Писатель всячески подчеркивает свою незащищенность, ранимость, как говорят психиатры, «мимозоподобность». По-детски влюбляясь, он глубоко страдал, иногда до такой степени, что собирался покончить с собой. Эти «любовные страсти» будут преследовать его всю жизнь. Учился он много и охотно – в школе, лицее, гимназии, а в 1867 году поступил в университет в городе Упсала. За отличную учебу получил королевскую стипендию, но из университета ушел, проучившись три года. Недолго работал учителем в средней школе, затем эмоциональная тонкость и чувствительность привели его на театральные подмостки, где, однако, как актер он не добился успеха. Потом был телеграфистом, работал в газете. Свое образование он систематизировал, пополнил и завершил, работая в течение семи лет в Королевской библиотеке. Август Стриндберг изучал химию, медицину, историю культуры, китайский язык и историю Востока, занимался фотографией и живописью. Его знания были поистине энциклопедическими.

Примерно в 22 года он пишет свои первые пьесы. Впечатление от их постановки у автора было тяжелым. Позднее он писал об этом в одном из рассказов: «У Иоганна (так Стриндберг называл в рассказе самого себя. — *Прим. авт.*) было такое чувство, что он присоединен к какой-то электризирующей машине. Каждый нерв его дрожал, нервы его тряслись (исключительно от нервности), и во все время действия по лицу его текли слезы. Он видел несовершенство своей работы и стыдился своих горящих ушей; он убежал раньше, чем упал занавес. Он был совершенством уничтожен... Все было хорошо, все, кроме пьесы. Он ходил вниз, у воды, взад и вперед; он хотел утопиться». Так переживал Стриндберг многие трудности и неприятности: убегал в лес и, давая волю накопившейся в нем агрессии, «рубил» палкой траву, давил грибы, карабкался по скалам, бросался в почти ледяную воду. «Я бросился в чашу, высокие деревья становились все мощнее, и их шелест приобретал все более низкий тон. На краю отчаяния, в пароксизмах боли я взывал в голос, и слезы катились у меня из глаз. Словно лось в гонимой, я растаптывал каблуками грибы и мхи, вырывал молодые побеги можжевельника, налетал на деревья! Чего я хотел? Я не мог бы этого сказать! Какой-то неукротимый огонь пылал в моей крови...», – описывает писатель свои переживания во время вынужденной разлуки со своей будущей женой. Даже если это описание немного усилено авторской фантазией, впечатление оно оставляет сильное. Стриндбергу, как натуре артистической, было свойственно стремление к драматизации ситуации, театрализации, нагнетанию страстей – то, что психиатры называют *истерическими проявлениями* характера. А если внимательно присмотреться к его поведению, то оно напомнит нам поведение сумасшедшего в представлении обывателя.

Что же это было и когда писатель заболел психически? Немецкий философ, психолог и психиатр К. Ясперс считал, что Стриндберг «старался убедить себя, что он психически больной», так как с душевнобольного нет спроса, он ни за что не в ответе. Трудно полностью согласиться с этим тезисом, уж очень он «психологически красивый». Видимо, это было все же проявлением своеобразного характера писателя, не имело такой «рациональной» подоплеки и явно выходило за рамки обычных психологических реакций. Скорее всего, это были предвестники будущей болезни.

Писателю было свойственно углубление в собственные переживания, самокопание. В моменты таких страданий он ни с кем не делился своими чувствами, оставаясь один на один

со страстями. Такая отгороженность, называемая *аутизмом*, свидетельствует о *шизоидных чертах* характера и вводит человека в группу риска по заболеванию хроническим психозом. Еще одной чертой шизоидности у Стриндберга было сочетание фанатичности и твердости с мягкостью и податливостью, так называемый феномен стекла и железа. «В родительском доме, твердый, как лед, он часто бывал чувствителен до сентиментальности. Мог зайти в подворотню и снять с себя рубашку, чтобы отдать кому-нибудь, мог заплакать при виде какой-нибудь несправедливости», – писал Стриндберг об одном из своих героев, имея в виду самого себя. И еще: «Он размышлял о самом себе и, как все мечтатели, пришел к окончательному выводу, что он ненормальный. Что было с этим делать? Если бы его посадили под замок, он сошел бы с ума, в этом он был уверен». Здесь уже не желание казаться психически больным, а страх заболеть психозом.

Надо сказать, что Стриндберг, имея тяжелые психотические переживания, никогда не лечился в психиатрической больнице, «ходил среди здоровых». Однако, несмотря на его отгороженность (аутизм), ряд окружающих видели явные странности в поведении писателя, слышали не соответствующие действительности высказывания (бред), которые врачами толкуются как выраженные психические отклонения.

Начало болезни, как это часто бывает, проявлялось приступами физических расстройств («головные боли, нервная раздражительность, расстройство желудка»). Впервые подобные симптомы возникли у него в 1882 году, тогда же мелькнула мысль о том, что его хотят отравить: «Подавленный и разбитый лежал я на софе, смотрел на моих играющих детей, вспоминал счастливые минувшие дни и готовился к смерти. Никаких записок я не оставляю, потому что не могу открыть ни причину моей смерти, ни моих мрачных подзрений». Стриндберг описывает это состояние (ему в то время было 33 года, и уже 5 лет он состоял в первом браке с баронессой фон Эссен-Врангель) в произведении «Исповедь глупца», датированном 1888 годом. Несмотря на разницу во времени, нет основания сомневаться в правдивости автора, пишущего о своих переживаниях, так как критики, историки литературы и психиатры, изучавшие творчество Стриндберга, подчеркивают почти полную автобиографичность его произведений. И знакомство с ними действительно дает объяснение многим противоречиям и несуразностям в жизни писателя.

Такие приступы, хотя и менее выраженные, повторялись ежегодно до 1887 года. А в 1887 году возникает очередной, но довольно сильный приступ: «Меня опрокинуло назад, когда я сидел за столом с пером в руке: лихорадочный припадок швырнул меня на пол... Лихорадка трясла меня, как трясут перину, перехватила мне горло, стараясь задушить, давила мне коленом на грудь, жгла мне голову так, что мои глаза, кажется, вылезали из орбит. В моей мансарде я был один на один со смертью... Мой мозг трепыхался, как полип, брошенный в укус. Вдруг я уверился, что на меня напала эта пресловутая пляска смерти; я обмяк, упал на спину и отдал себя в жуткие объятия чудовищного». Вот такие необычные и неприятные переживания. Даже если сделать скидку на «художественность» описания, ощущения эти весьма болезненные. К. Ясперс так пишет о состоянии Стриндберга: «Человек может быть долгие годы в целом здоров, и лишь изредка, словно зарница на горизонте, мелькнет в нем проблеск того, что позднее захватит его целиком».

В годы, о которых здесь идет речь, Стриндберг выступает как противник женской эмансипации и в то же время института брака как явлений ханжеских и калечащих отношения между полами, «уродующих» жизнь. В 1884 году, после публикации сборника рассказов, он был обвинен в богохульстве и вызван в суд, но суд его оправдал. И после этого, на фоне сложных семейных коллизий (его жена будто бы вступила в интимные отношения с одной актрисой), писатель стал чрезвычайно субъективно оценивать происходящие вокруг события. К. Ясперс пишет о том, что появившуюся у него подозрительность почти невозможно отличить от нормальных, психологически понятных переживаний обманутого и обманывае-

мого человека. Здесь встает вопрос: может ли человек, столкнувшийся с бесспорной супружеской неверностью, заболеть бредом ревности? В понятиях обывателей обманутый супруг всегда прав, подозрения и реакции его понятны, особенно когда речь идет об относительно молодых (в репродуктивном возрасте) субъектах. Психиатры же знают, что хотя бред ревности – это, как правило, огульные и нелепые обвинения супруги в измене, бывают случаи, когда болезненные состояния могут быть реакцией и на истинную супружескую неверность. Это тоже *бред ревности*, или бред супружеской неверности. Он и наблюдается в случае Стриндберга. Трудность в диагностике состояния заключается в том, что нелепости в поведении и высказываниях больного становятся очевидными иногда через довольно длительный срок после начала болезни.

Почему же многие психиатры, изучавшие болезнь писателя, уверенно говорят о том, что он страдал бредовым психозом?

Во-первых, по характеру поведения писателя и его постоянных мыслей об измене супруги, по уверенности в том, что его обманывают. Все строится на догадках, которые в основном питаются случайными совпадениями, а иногда просто вымыслом. Вернувшись домой, жена как-то по-особому одергивает свои юбки, разговаривает с нарочито беспечным выражением лица, тайком поправляет прическу, проявляет холодность в интимных отношениях, не интересуется делами мужа, о чем-то тоскует («не о любовнике ли?»). При попытке мужа выяснить некоторые обстоятельства поведения супруги «на ее губах застывает бесстыжая улыбка». О своем отношении ко всему этому Стриндберг говорит: «Это не доказательства, которые можно представить в суд, но мне их достаточно, потому что я точно знаю их суть». Вот эта непоколебимая уверенность в собственных выводах и является основной характеристикой бреда. Разубеждения при этом совершенно бесполезны.

Во-вторых, *монотематичность* (построение на одной идее) бреда постепенно растворяется в других бредовых идеях, в первую очередь в *идеях отравления и дурного обращения* (желание скомпрометировать, опозорить, осмеять). Стриндберг считает, что все украдкой усмеваются, стараются помочь его жене, специально задерживают его во Франции. Увидев во французском журнале серию карикатур знаменитых шведов, он заметил, что его изобразили с завитком волос, очень похожим на рог (явный намек на то, что он рогоносец). В это время писатель «проводит разыскания», то есть старается разоблачить жену: подсматривает, проверяет переписку, задает провокационные вопросы. Наконец он решает, что его «потомство сфальсифицировано», то есть трое детей – не от него. Стриндберг очень тяжело это переживает и подчеркивает, что для него главное – узнать правду, и тогда он вместе со всеми над этим посмеется.

В-третьих, динамика болезни выражается в утяжелении бредовых идей ревности, в их нарастающей нелепости и, наконец, в формировании выраженного бредового синдрома (бред преследования). Постепенно Стриндберг доходит в своей уверенности до того, что считает жену проституткой, готовой отдаться любому встречному. Болезнь писателя явилась причиной развода. Позднее он еще дважды состоял в браке, но там идеи ревности не проявлялись. Это было обусловлено тем, что *паранойальный* (ограничивающийся одной идеей и не сопровождающийся галлюцинациями) бред сменяется более сложным *параноидным* бредом. Возникают *слуховые галлюцинации, сенестопатии* (неприятные причудливые болезненные ощущения, не имеющие органического субстрата, то есть не подтверждающиеся никакими объективными исследованиями). Болезнь протекала приступами, давая возможность художнику проявить его гениальные творческие способности и снабжая его темами для произведений. Во время ухудшений у него возникали теперь идеи отравления и страх, что его посадят в сумасшедший дом. «Тут подали на стол что-то напоминающее вываренный свиной корм... Все было поддельно, даже пиво», – пишет Стриндберг о посещении одного ресторана.

Вот как сам он описывает свое состояние во время одного из приступов: «...Я опускаюсь на кресло, необычная тяжесть угнетает мой дух, мне кажется, что какая-то магическая сила струится из стены, сон сковывает мои члены. Я собираюсь с силами и встаю, чтобы выйти. Когда я прохожу через коридор, то слышу голоса, шепчущиеся рядом с моим столом. Почему они шепчутся? Они хотят скрыться от меня. Я иду по улице и вхожу в Люксембургский сад. Я едва волочу мои ноги, они отнялись от самых бедер до пяток. Приходится сесть на скамью. Я отравлен. Это первая мысль, которая приходит мне в голову. И как раз сюда прибыл Поповский, который убил свою жену и ребенка ядовитыми газами. Это он, согласно эксперименту Петтенгофера, провел ток газа сквозь стену. Вечером из страха перед новым покушением на меня я не осмеливаюсь более оставаться за моим столом. Я ложусь в постель, не решаясь, однако, заснуть».

Навязчивым страхом того, что его хотят поместить в сумасшедший дом или могут уничтожить, объясняются бесконечные скитания Стриндберга по Европе.

Помимо идей преследования отмечаются другие варианты бредовых идей. *Бред значения*: в саду он видит специальным образом уложенные ветки, они обозначают инициалы человека, который приехал из Парижа убить Стриндберга. Потом писатель делает такое наблюдение: «То, что он (мнимый преследователь. — Прим. авт.) отодвинул свой стул, когда я двинул свой, это во всяком случае странно – странно, что он повторяет мои движения, словно хочет своим подражанием поддразнить меня». Еще один вариант бреда – *бред воздействия*. «Тут начинает ощущаться какой-то словно бы электрический флюид, поначалу слабый. Я смотрю на магнитную стрелку, которую я установил там для свидетельствования; она, однако, не дает ни малейшего отклонения: следовательно, это не электричество. Но напряжение растет, мое сердце сильно бьется; я сопротивляюсь, но какой-то флюид с быстротой молнии наполняет мое тело, душит меня, высасывает мое сердце...».

Писатель ссорится с друзьями, ссорит их между собой, устраивает скандалы, причину которых не могут понять окружающие. На самом деле он «убегает от врагов», старается их разоблачить, показать, что разгадал их козни, нанести первый удар. Таким образом, его поступки укладываются в поведение *преследуемого преследователя*, явления, часто наблюдаемого при хронических бредовых психозах. Но, видимо, ему действительно намекают, что он не в своем уме, потому что Стриндберг все-таки дважды обращается к психиатру за справкой, что он психически здоров. Однако услышав, что выдача такой справки требует обследования в психиатрической больнице, он категорически отказывается от пребывания там. Больше никаких контактов с психиатрами у него не было.

Но не будем забывать, что душевнобольной писатель «ввел шведскую литературу (а в известной степени и культуру) в Европу». Такова сила его таланта, который не могла победить болезнь. Классик норвежской литературы и младший современник Стриндберга

Кнут Гамсун писал: «Вы говорите, он что-то имеет против вас. Ах, я не знаю такого человека, против которого он чего-нибудь не имел бы... Сомневаюсь, что с ним вообще можно иметь какие-то отношения... Меня это не задевает. Несмотря ни на что, он все же Август Стриндберг». Цитата показывает, насколько терпимо и с каким уважением, а подчас и восхищением относились к писателю те современники, которые могли оценить его творчество.

Был в деятельности шведского гения еще один момент, который напрямую демонстрировал наличие у него психических отклонений. Он увлекался химией, при этом производил опыты, подобные экспериментам средневековых алхимиков. Хотя он высказывал верные соображения о превращении химических элементов, сами его опыты никуда не годились. Здесь мы сталкиваемся со спецификой мышления А. Стриндберга. К. Ясперс писал, что в постановке вопросов Стриндберг – философ, так как пытается решить «проклятые вопросы»: доказать возможность превращения элементов, единство всего живого (вопросы,

неоднократно ставившиеся и по-разному решавшиеся другими). Однако его доказательства были фантастическими, поскольку страдал процесс обобщения. Как это часто бывает у больных хроническими психозами, обобщение производится у него по необычным, иногда случайным признакам. Результаты экспериментов критически не оцениваются, ни с чем не сравниваются, а предлагаются как неопровержимые откровения. Все это напоминает бредовые умозаключения.

Стриндберг считал, что изобрел способ получения золота из других химических элементов и что это открытие у него хотят украсть. В конце концов это привело его к мысли, что он великий ученый, но непонятый и непризнанный.

Такое количество признаков ненормальности Стриндберга вполне достаточно, чтобы признать наличие у него психической болезни. Тем не менее симптомы заболевания этим не ограничиваются. Можно сказать, что здесь «присутствует вся психиатрия». Описание данных признаков, во многом почерпнутое из произведений самого писателя, необычайно ценно для изучения картин и течения психических расстройств. То, что мы описываем, не должно быть использовано для удовлетворения праздного любопытства, оно служит для понимания поступков и высказываний душевнобольных и, соответственно, для правильного выбора поведения с ними, а также для представления о дальнейшем течении болезни и планирования соответствующей реабилитационной работы, в которую вовлекаются все близкие больного человека. Для профессионалов случай Стриндберга уникален тем, что заболевание текло «естественно», то есть писатель никогда не лечился – не обращался к врачам, да и лечиться, собственно, было нечем. Тем не менее творчество его было чрезвычайно глубоким и оригинальным. Переплетение реального и болезненного формирует уникальную форму и содержание его произведений. Потрясает сочетание продуктивности и глубины творчества с частыми и тяжелыми приступами психического расстройства.

Мы привели, однако, не все характеристики мышления великого шведского писателя. Речь идет о мистических моментах в его творчестве. Мистическое наиболее тесно переплетается с болезненными ощущениями: «Город словно заколдован: все или в деревне, или повыхали куда-то еще». «Тут он почувствовал себя так, словно его заманили в ловушку... Постоянная ярость против кого-то невидимого, но, кажется, питавшего к нему неизбывную злобу, обессилевала, он был парализован и не пытался даже пальцем пошевелить, чтобы изменить свою судьбу». «Тут по моему телу скользнул этот невидимый призрак, и я поднялся». «Возвратитесь в свою комнату ночью, и вы обнаружите, что в ней кто-то есть; вы его не увидите, но вы ясно почувствуете его присутствие». «Бывают такие вечера, когда я убежден, что в моей комнате есть кто-то еще. И тогда от невыносимого страха у меня начинается лихорадка и выступает холодный пот».

Все это отрывки из произведений Стриндберга. Он изучает религиозные и мистические труды прошлого. Особенно привлекает его творчество шведского религиозного мистика Сведенборга: «Сведенборг, открыв мне глаза на природу тех страхов, которые я пережил в последние годы, освободил меня от электризовщиков, чернокнижников, волшебников, завистливых алхимиков, он освободил меня от безумия. Он указал мне единственный путь, ведущий к излечению: отыскивать демонов в их убежище, во мне самом, и убивать их раскаянием». Однако такое критическое отношение к своим переживаниям посещает Стриндберга, видимо, только в периоды улучшения состояния.

Идеи же преследования, которые по-прежнему вынуждают искать преследователей не в себе, а извне, периодически усиливаются: «Я совершенно уверен, что никто меня не преследует, и, тем не менее, я принужден мучительно возвращаться в круг старых мыслей и думать: кто-то это делает». Таким образом, у Стриндберга нет истинного понимания, что он болен, то есть *постоянно отсутствует критика*. «Какая-то болезнь? Невозможно, поскольку все у меня было хорошо, пока я не раскрыл мое инкогнито. Покушение? Оче-

видно, поскольку я своими глазами видел приготовления. К тому же здесь, в этом саду, где я вне досягаемости моих врагов, я вновь прихожу в себя...» – рассуждает писатель в Париже и на следующий день бежит в другой город.

В последние годы жизни болезнь протекала менее бурно. Однако изменения личности, которые она повлекла за собой, стали более заметными. Доживает свои дни писатель фактически один, он никого не принимает, не выходит к людям, приходящим засвидетельствовать ему почтение. Один из посетителей Стриндберга в 1911 году пишет: «Он жил совершенно один, почти прячась от людей, и отворял дверь лишь нескольким близким друзьям... Собственно, почти никто не знал, где он живет; одни полагали, что он серьезно болен, другие – и таких было большинство – что он страдает манией преследования и к нему не следует приближаться... На следующий день я его разыскал. На двери не было никакой таблички, шнурок звонка был снят. Я трижды – словно по уговору – постучал в стену возле дверной рамы и стал ждать. По прошествии некоего времени планка на щели почтового ящика, прорезанной всего в каком-нибудь метре от пола, осторожно приподнимается сизоватым пальцем, и в щели появились глаза и седая бровь. „Я пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение одному из могущественнейших шведов“, – говорю и просовываю в щель свою визитную карточку. Снова проходит много времени. За дверью – мертвая тишина... Я чувствую, что этот одинокий поэт стоит по ту сторону двери, прикидывает так и этак и колеблется... Наконец дверь тихонько отворяется, и появляется Стриндберг. Он пристально на меня смотрит. „Я болен, – говорит он шепотом. – Я вообще-то никого не принимаю“... Он так и стоял в проеме дверей, словно загораживая мне дорогу в дом, и испытующе смотрел на меня со смешанным выражением глубокого недоверия и любопытства».

По этому отрывку видно, что до конца жизни Стриндберг сохранил бредовую настроенность, которая с годами потеряла аффективный накал и стереотипизировалась (как бы застыла), но не исчезла вовсе. Она-то и придавала поведению драматурга аутистический рисунок, выражавшийся в замкнутости и отгороженности. Говоря о том, что он болен, писатель имел в виду не психическое расстройство, а физическое страдание (в то время он уже был болен раком). Психическая болезнь Стриндберга демонстрирует еще один известный в психиатрии феномен, описанный французским психиатром Маньяном, выражающийся в характерном для хронических бредовых психозов переходе одного вида бреда в другой. Началась болезнь с *паранойального бреда* (бред ревности), который постепенно превратился в *параноидный* (бред преследования, воздействия, значения, с сенестопатиями, слуховыми галлюцинациями), и, наконец, появились элементы *парафренного бреда* (фантастический бред величия, мистические бредовые моменты). Последний вариант бреда не развернут, так же как и «конечное состояние» (выраженного распада личности не случилось). До конца жизни он писал. В последние годы все меньше, но создал свой театр – Стокгольмский интимный театр, – где были поставлены все его пьесы. Это был новаторский театр, работавший как единый организм. Этот принцип стал одним из основных в театральном искусстве XX века.

Особенностью хронического бредового психоза у Стриндберга была слабая выраженность галлюцинаторных расстройств, видимо, с этим отчасти связана и сохранность его личности. Во всяком случае его литературные произведения – драмы, повести и пьесы – всегда потрясали читателя и зрителя глубиной проникновения в человеческие переживания, были понятны всем людям, интересующимся искусством. К сожалению, русскоязычный читатель долгое время не имел возможности познакомиться с творчеством Стриндберга – его не издавали. Теперь же он уверенно входит в наши библиотеки, заставляя размышлять о жизни и разбираться в своих страстях и тайных желаниях. Но его пьесы только изредка можно встретить в репертуаре наших театров.

Август Стриндберг умер 14 мая 1912 года в Стокгольме от рака желудка. Вспоминают, что его «хоронил весь Стокгольм». Чтобы успокоить мятущуюся душу писателя, в гроб положили его любимый экземпляр Библии, а над могилой воздвигли крест.

ДАНИИЛ ХАРМС

Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние

Даниил Хармс
Фото

Обладатель одной из самых трагических биографий в русской поэзии первой половины XX века – Даниил Хармс – был достаточно известен в советской литературе как детский писатель. Эту сторону его таланта очень ценил С. Я. Маршак. Другие его произведения, а их было множество, не печатали, их знали только несколько самых близких людей. На перекрестке детской поэзии и стихов для взрослых находится одно из его наиболее известных произведений, в нескольких строках отразившее судьбу писателя:

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не пил, не спал,
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес.
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез...

((1937))

Это стихотворение, может быть единственное, наиболее укладывающееся в биографию поэта, полную загадок и «зауми». Возможно, автор и не вкладывал глубокого смысла в него, но нами оно воспринимается именно так.

Этот странный человек исчез 23 августа 1941 года (был арестован на улице в Ленинграде и уже больше на свободе не появлялся), и о нем вспомнили только много лет спустя. Детские стихи Хармса декламировали, думая, что их написал кто-то другой. В период «оттепели» стали ходить по рукам некоторые его «взрослые» произведения, а потом его стали печатать возрастающими тиражами, запутанно трактуя и без того сложные для понимания произведения. Очень много споров вызывает творчество поэта, но ясно одно: он наряду со своим другом, поэтом А. И. Введенским, тоже сгинувшим в лагерях, был первым абсурдистом в литературе, но этого никто не знал до 1970-х годов. Раньше первооткрывателями данного направления считались Ионеско и Беккет. Теперь творчество Хармса изучают десятки литературоведов не только в России, но и в разных странах мира.

Даниил Хармс (Даниил Иванович Ювачев) родился в Петербурге 17 (30) декабря 1905 года. Отец его, Иван Петрович Ювачев, сын полотера Зимнего дворца, получил штурманское образование. Принимал участие в деятельности народовольцев, за что был приговорен к смертной казни, замененной затем каторжными работами. Четыре года просидел в одиночной камере в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Два года Ювачев-старший проработал на сахалинской каторге в ножных кандалах. За это время он превратился из революционера-атеиста в истового христианина, активного толкователя и пропагандиста Священного Писания. Будучи досрочно освобожденным, вернулся в Петербург, писал мемуары и религиозные книги, посещал Толстого в Ясной Поляне. По характеру это был твердый, целеустремленный человек, способный «обращать в свою веру». Работал в инспекции сберегательных касс, постоянно разъезжал по командировкам. Мать поэта, Надежда Ивановна Колюбакина, из родовитого волжского семейства, заведовала прачечной в приюте для женщин, освободившихся из тюрьмы, созданном принцессой Ольденбургской. С годами она стала начальницей этого учреждения, а в советское время была кастеляншей в «Боткинских бараках». Она была добрым, непритязательным человеком, готовым к любому труду.

Воспитывали Даниила мать и две ее сестры (одна из них была учительницей), отец присутствовал «духовно», всегда посылал письма с обстоятельными советами и настойчивыми требованиями, как поступать в тех или иных ситуациях. Подобные письма приходили от него очень часто. Даниил с большим уважением относился к отцу и, видимо, его побаивался. Он никогда, даже будучи взрослым, не садился в присутствии отца и никогда при нем не курил, хотя очень любил курить трубку. Даниил был определен в реальное училище при Петершуле (немецкая школа) в Петрограде, поэтому хорошо знал немецкий и английский языки. Заканчивал же 2-ю Детскосельскую советскую единую трудовую школу, где директрисой была его тетка. В школьные годы был шалуном, устраивал розыгрыши: «прикиды-

вался сиротой»; чтобы не ставили двойку, играл во время урока на валторне; в то же время проявлял склонность к фантазированию и мистификациям. Затем два года он проучился в электротехникуме, откуда в конце концов был отчислен, так как совершенно не интересовался учебой, избрав для себя другую стезю – сочинительскую. С детства много читал, особенно историю и мифы Древнего Египта, Греции, литературу Средневековья, что отразилось потом в некоторых его произведениях. Хармс любил рисовать, ценил классическую музыку (преимущественно Баха и Моцарта), играл на фисгармонии, был первоклассным шахматистом. Практически всю жизнь он прожил в Петербурге в одной квартире с родителями, вначале на Миргородской улице (в районе больницы Боткина), а потом, с 1925 года, на Надеждинской (Маяковского) улице, д. 11, кв. 8. Тем не менее с 20 лет жил самостоятельно.

Первые его сочинения относятся к возрасту 17 – 18 лет. Его учителями были В. В. Хлебников и «поэт-заумник» А. В. Туфанов. Однако Хармс быстро отошел от учителей. Его самостоятельная поэтическая, а затем и писательская деятельность начинается примерно с 1925 года. В 1926 году Хармс и его друг А. И. Введенский объединились в группу «чинарей» (слово, не существующее в русском словаре, которому каждый может давать свою трактовку). Чинари сочиняли, как оценивает это А. А. Александров, «смешные миниатюры, авангардистские „скоморошины“, неожиданные, задорные, полные энергии и светлого нигилизма». С друзьями Хармс создает череду поэтических союзов, в названиях которых обязательно присутствует слово «левый»: Фланг левых, Академия левых классиков и др. Наконец было создано Объединение реального искусства (ОБЭРИУ), которое получило известность, в значительной мере скандальную, в литературных кругах в конце 1920 – начале 1930-х годов. В декларации ОБЭРИУ говорилось: «Кто мы? И почему мы? Мы, обэриуты, – честные работники своего искусства. Мы поэты нового мироощущения и нового искусства. Мы – творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов. Наша воля к творчеству универсальна: она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая ее со всех сторон. И мир, замусоленный языками множества глупцов, запутанный в тину „переживаний“ и „эмоций“, ныне возрождается во всей чистоте своих конкретных мужественных форм».

Начало творчества Хармса выглядит для неискушенного читателя нарочитой нелогичностью, жонглированием словами, выдумыванием новых непонятных слов, «зверским» обращением с орфографией и пунктуацией. Можно в этом убедиться, взяв любой отрывок. Например, из стихотворения «Вьюшка смерть», посвященного С. Есенину:

...гули пели халваду чирикали до ночи на засеке долго думал кто
поет и брови чинит...

(1926)

Это стихотворение, состоящее «из чего попало», хотя кое-где угадывается смысл, он подписал: «Даниил Хармс Школа чинарей Взирь зауми».

Или другое стихотворение:

иван иваныч Расскажи кику с кокой Расскажи на заборе Расскажи
ты Расскажешь паровоз почему же паровоз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.